

МАТВЕЙ

ГАНАПОЛЬСКИЙ

самый
лучший
учебник
журналистики

Кисло-сладкая книга о деньгах,
провокаторах, тщеславии и президенте

Annotation

«Самое смешное, что эта книга – настоящий учебник. Но написанный нескучно. Согласитесь, что суровое лицо преподавателя навевает уважение, но чаще всего не способствует усвоению материала. С другой стороны, веселый и радостный лектор запоминается на всю жизнь. Конечно, каждый автор немного тщеславен. Я не исключение.

Сразу заявляю, что не против, если эта книга войдет в список обязательной литературы для изучения в школах, а диктаторы в разных странах будут заявлять: „Мы отменяем в стране свободу слова. Но то, что написано в этой книге, священо!!!“»

Редакция присоединяется к автору и авторитетно заявляет, что эта книга нужна каждому, кто хочет стать журналистом или уже стал им, а также всем, кто хоть когда-нибудь общался или собирается общаться с другими людьми. Истинный бестселлер от Матвея Ганапольского, выдержавший не одно переиздание, выходит в дополненном, переработанном и, главное, улучшенном виде.

-
- [Матвей Юрьевич Ганапольский](#)
 - [КАК МЕНЯ ЗАСТАВИЛИ НАПИСАТЬ ЭТУ КНИГУ](#)
 - [ДЛЯ ЧЕГО В ЭТОЙ КНИГЕ НУЖЕН ЮМОР?](#)
 - [НУЖНО ЛИ СЧИТАТЬ НАПИСАННОЕ В ЭТОЙ КНИГЕ ДОГМОЙ?](#)
 - [ПОЧЕМУ НЕ СЛЕДУЕТ СТАНОВИТЬСЯ ЖУРНАЛИСТОМ](#)
 - [КАК ОПРЕДЕЛИТЬ, ЕСТЬ ЛИ В ТЕБЕ ЖУРНАЛИСТСКИЙ ДАР И МОЖНО ЛИ ЕГО КУПИТЬ ЗА ДЕНЬГИ](#)

- КАК СДЕЛАТЬ ПЕРВЫЙ ШАГ И НЕ УПАСТЬ В ОБМОРОК
 - БРОСИТЬ ЛИ СВОЙ ЗАХОЛУСТНЫЙ ГОРОДОК ИЛИ БЫТЬ ПАТРИОТОМ
 - ПАРЕНЬ, ТЫ ТАЛАНТ, НО КТО ЭТО ЗНАЕТ, КРОМЕ ТЕБЯ?
 - ВЫ В КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЕ И ВАМ ДЫШАТ В СПИНУ
 - НЕБОЛЬШОЙ СЮРПРИЗ: ВАМ ИЗВЕСТНО, ЧТО ВЫ ГЕНИЙ?
 - СКОЛЬКО В ВАС ТЩЕСЛАВИЯ? ВСКРЫТИЕ ПОКАЖЕТ
 - ВЫ ХОТИТЕ БЫТЬ ПОПУЛЯРНЫМ, КАК ДЖОРДЖ КЛУНИ? СОГЛАСЕН. НО ЕСТЬ ВОПРОС: А ВЫ ДЖОРДЖ КЛУНИ?
 - ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ, ЧТО ТЫ ЛУЧШИЙ? ОТЛИЧНО, ОСТАЛОСЬ ЭТО ДОКАЗАТЬ ДРУГИМ
-

**Матвей Юрьевич
Ганапольский
Самый лучший учебник
журналистики. Кисло-сладкая
книга о деньгах, тщеславии и
президенте**

КАК МЕНЯ ЗАСТАВИЛИ НАПИСАТЬ ЭТУ КНИГУ

Однажды я сидел перед телевизором и смотрел что-то со Шварценеггером. Я люблю его «Терминатора». Когда он говорил «I`ll be back», я понимаю, что он имел в виду. Что уйдет из кино и станет губернатором Калифорнии. Я уважаю такой ход мыслей.

В этот момент на пороге комнаты появилась жена и порекомендовала мне включить другой канал. Я включил. На экране мадам Роулинг в каком-то книжном магазине, на фоне стопки книг, отчитывалась за своего «Гарри Поттера» и раздавала автографы. Толстые тома и большая цена впечатляли.

- Ну и что? - спросил я жену.

- А то, - сказала жена, - что если ты, наконец, выключишь своего Шварценеггера и напишешь какую-нибудь популярную книгу, то у нас появятся деньги.

- А что, у нас нет денег? - удивленно спросил я. - Я ведь давал тебе вчера 70 долларов на хозяйство.

Ответом мне были холодная улыбка и небольшая лекция на тему «что такое деньги».

Всю лекцию пересказывать нет смысла, но основные тезисы примечательны. Коснувшись значения моей персоны в современной медиакультуре, каковая, по мнению жены, измеряется уже отрицательными величинами, она, напомнив, что за ней в молодости ухаживали весьма достойные люди, теперь, наконец, окончательно поняла, что именно я погубил ее жизнь.

- Я так понимаю, что мне и далее придется гнить в этой глуши, - трагично сказала жена. Ключи от спортивного «мерседеса» нервно дрожали в ее руке, а ее чудесная фигура, которая меня всегда волновала,

неплохо смотрелась на фоне голубой воды домашнего бассейна с подогревом.

- О чем же мне писать? - Я развел руками.

- Посмотри на Роулинг! - горячо сказала жена. - Она придумала Гарри Поттера. Теперь у нее миллионы. Неужели ты не можешь придумать что-то свое?

- Например? - поинтересовался я.

- Сюжеты валяются на дороге - ты ленишься их поднять. Например, сейчас модно что-то детское. Напиши про девочку, которая съела яблоко и заснула, а потом ее поцеловал принц, и она проснулась.

- И хорошо, чтобы ее звали Белоснежка?

- Ах, да, - смутилась жена. - Ну, тогда напиши про другую девочку, которая встретила белого кролика.

- И пусть ее зовут Алиса? - мрачно спросил я.

- Хорошо, - согласилась жена, - не будем тратить время на выдумки. Просто напиши продолжение Гарри Поттера.

- Что?! - Мои глаза полезли на лоб. - Роулинг ведь уже все написала...

- Вот что делают с тобой эти боевики, - снисходительно улыбнулась жена. - Там сначала стреляют, а потом думают. Но тебе придется один раз в жизни сделать наоборот.

Она повертела ключами от «мерседеса».

- Роулинг намекнула, что Дамблдор гей. А ты напиши книгу, где доказывается, что Дамблдор не гей. Возьми интервью у него, у его бывшей жены, у школьных товарищей. И потом, он, наверное, был в бейсбольной команде...

- Какая команда?! Она же его придумала...

- А ты придумай бейсбольную команду! И пусть вся команда докажет, что Дамблдора оклеветали. Наивная Роулинг, - хмыкнула жена, - она не понимает, что написать «Поттера» - это полдела. Нужно еще пережить все судебные иски!..

- Я не буду писать про Дамблдора, - отрезал я.

- Напиши про Пэрис Хилтон. Или про Мадонну. Представляешь, твое обширное интервью с Пэрис. Ее умные мысли о разном. Например, что нужно спасать китов.

- Я не буду писать про все это, - злобно сказал я. - Я знаменитый журналист. Я пишу на серьезные темы.

- Ну вот, - радостно сказала жена. - Я, правда, давно тебя не слушала в эфире и не читала. Но если ты напишешь что-то про Ларри Кинга, то это будет серьезно, не так ли? Ты ведь его уважаешь. Кстати, он закончил работать на CNN - ты не хочешь им позвонить, чтобы тебя взяли вместо него?

- Но они ведь меня не знают!

- Правильно, поэтому нужно пригрозить им, что напишешь о них всю правду. Скажи, что про них есть компромат в «Викиликсе». Скажи, что Ассанж твой друг и он дал тебе документы про то, что Ларри выгнали из CNN из-за его любовниц.

- Но это ведь неправда! - возмутился я. - У него нет никаких любовниц.

- Должны быть! - холодно отрезала жена. - Это журналистика! Сначала придумай ему пару любовниц, а потом себя же разоблачи и напиши, что это неправда. Про любовниц громко скажи в эфире, а про ошибку - тихо в «Твиттере». Не понимаю, - жена пожалала плечами, - что тут сложного? Все так делают...

Поцеловав меня, жена упорхнула, по всей видимости, гнить с подружками в местном, но весьма дорогом ресторане, а я вернулся к фильму.

Однако оказалось, что лекция жены - это была только первая часть дьявольского плана отторгнуть меня от Шварценеггера.

Днем в комнату вошла дочь. Лицо милого дитя было залито слезами.

Оказалось, что ее парень сомневается – брать ли ее с собой на вечеринку.

Я с трудом сдержал радость. При виде ее парня мне всегда хотелось взяться за ружье. Метко выстрелить мешали только многочисленные отблески от его колец, которыми была щедро увешена вся его тщедушная плоть, и татуировка замысловатого орла, темные тона которого сливались с темнотой его немойшей шеи.

Я спросил, чем, как отец, я могу помочь, чтобы унять кроткие девичьи слезы. Ответ удивил меня. Оказалось, что дитя просит меня написать какую-нибудь книгу. За гонорар она купит свой мотоцикл и больше не будет зависеть от мотоцикла этого немойшего монстра.

Я сказал, чтобы дочь вышла прочь, на что она заявила, что именно я толкаю ее в объятия этого лузера и вся ответственность за последствия сегодняшней вечеринки лежат на мне.

Грохнула дверь, взревел мотоцикл, и облако вонючего дыма напомнило мне, что ружье нужно положить где-то неподалеку, чтобы к утру разобраться с последствиями.

Вечером террор продолжался. Маленький сынок, поставленный женой на стульчик, декламировал что-то типа: «Милый папа – не зевай, сыну денежку давай!..»

Вечером того же дня позвонили несколько бывших друзей.

Часть из них я мечтал закопать еще в молодости.

Один из них с 95-го года должен был мне двести долларов. Свое долгое молчание он объяснил, что не знал, как извиниться передо мной, но теперь знает. Я просто должен написать любую книгу, из гонорара дать ему еще триста, и он сразу, где-то через месяц, отдаст мне все пятьсот.

Далее позвонила моя боевая подружка студенческих лет. Намекнув, что двадцать лет, когда мы не виделись, – это чистая случайность, она

напомнила, что всегда ценила мое умение писать. Я поинтересовался, а что она мое читала, ведь ее визиты ко мне носили далеко не литературный характер.

Подружка ответила, что в перерывах от основного нашего занятия она листала мои конспекты и, между прочим, даже пыталась запомнить, что там написано, но я, проказник, слишком быстро отрывал ее от этого интереснейшего чтения.

Но апофеозом заговора против меня, телевизора и Арни стал звонок одного издателя.

Нужно сказать, что с этим человеком у меня были особые счеты.

Однажды в детстве, начитавшись Бредбери, Саймака, Шекли и Гаррисона, я решил написать что-то в подобном фантастическом духе.

Месяц я сопел над рассказом, в котором шестиногий пришелец пленял несчастных землян, но какой-то герой, типа Человека-паука, побеждал этого негодяя.

В рассказе была потрясающая кульминация, где он отрывал инопланетянину все шесть ног. Этой сценой я особенно гордился.

Потом месяц, дрожа от нетерпения, я заглядывал в почтовый ящик.

Ответ, наконец, пришел.

В нем мне издевательски советовали более умело соединять куски уже написанных произведений, хотя и восхищались тем, что я много читаю.

Под письмом стояла подпись именно этого издателя.

Я затаил злобу. Мне хотелось бы, чтобы он приполз ко мне на коленях с гонораром в зубах. Для этого я отсылал ему все новую и новую писанину.

Но вместо гонорара я получал все те же издевательские ответы.

И вдруг его звонок! Своим скрипучим голосом он сказал, что отобедал с моей женой по ее просьбе и она

пожаловалась, что я не хочу писать какую-то книгу. И ему стало интересно – почему.

Я с максимальной язвительностью напомнил, что отправил ему кучу рассказов, но он меня так и не оценил. Он ответил, что очень даже оценил и показывает мои рассказы студентам как выдающиеся образцы юношеского графоманства. Особенной популярностью, сказал он, пользуется мой рассказ про шестиногого пришельца. Когда он читает студентам сцену, где герой отрывает ему все шесть ног, в аудитории стоит громовой хохот.

– У вас безусловный дар веселить публику, – прозудело в трубке.

– Мы не клоуны, – мрачно ответил я, – мы серьезные журналисты. Если хотите смеяться, могу дать адрес цирка. И я не понимаю, что должен написать.

– Я спас мир от вас как писателя-фантаста, – проскрипел издатель. – Ваши рассказы были не менее опасны для общества, чем оружие вашего шестиногого парня. Вы должны это оценить. Но сейчас вы известный журналист и теперь сами можете спасти человечество.

– Каким образом? – удивился я.

– Сейчас все лезут в журналистику, как когда-то вы в литературу, но свой долг перед литературой вы выполнили. Ваш шестиногий навсегда останется образцом того, как не надо писать. Напишите теперь про журналистику изнутри. Напишите, как стать журналистом. Только напишите честно.

– Это скучно.

– Напишите весело, – пробубнила трубка. – Напишите весело, что если научиться совать микрофон под нос или перевернуть интервью, то это еще не журналистика.

– Это никто не будет читать, – убежденно сказал я. – Молодые считают, что нужно надеть подтяжки, и ты уже Ларри Кинг.

- А вы весело напомните им, что Ларри Кинг - это еще гонорар четыре миллиона в год. И это ему платили не за подтяжки.

Я задумался про четыре миллиона.

- Нечего думать, - прохрипела трубка, - если напишете - я опубликую. Так да или нет?

- Да! - быстро сказал я. - А что должно быть в этой книге?

- Что хотите, - буркнул издатель. - Я могу сказать, чего там не должно быть.

- И чего?

- Вашего шестиногого.

Трубка щелкнула, и воцарилась тишина.

Я понял, что попал.

Но потом подумал о Шварценеггере. Был культуристом, а теперь губернатор. Если вдуматься, то Пулитцеровскую премию не каким-то богам дают, а простым труженикам пера. И вообще, как шутил один мой любимый писатель, пора учить молодых тому, чего ты никогда не умел.

Вот так я решил написать эту книгу.

ДЛЯ ЧЕГО В ЭТОЙ КНИГЕ НУЖЕН ЮМОР?

Самое смешное, что эта книга – настоящий учебник. Но написанный нескучно. Согласитесь, что суровое лицо преподавателя навевает уважение, но, чаще всего, не способствует усвоению материала. С другой стороны, веселый и радостный лектор запоминается на всю жизнь.

Я помню, как в школе на уроке химии мы что-то смешали в колбе, уже не помню что. Цель была простая: вместо слабой вспышки наша химичка должна была обрадоваться небольшому, но мощному взрыву. Химичка была злая. И если ее вечно хмурое лицо помножить на хмурый предмет, которым я до сих пор считаю химию, то это было простое, но законное выражение протеста против скучной методики преподавания.

Химичка поднесла спичку к колбе, и все это радостно рвануло. Взрыв был такой силы, что с химички сорвало парик, и он, при гробовом молчании и звоне в ушах, совершил полет по классу. При этом парик тлел и напоминал сбитый инопланетный корабль из моего любимого фильма Роланда Эммериха «День независимости» (Independence Day).

Класс грохнул от смеха. Это был тот самый гадостный смех, который потом всю жизнь вспоминаешь со стыдом.

Химичка посмотрела на свой парик, тлевший на полу, и зловеще сказала:

«От смеха еще никто не умирал, кроме тех, кто шутил...»

Мы окаменели. Никто не знал, что делать, но было понятно, что сейчас определится, в каком порядке мы будем вылетать из школы.

Но произошло невероятное: она поправила тонкую сеточку, прикрывавшую ее не очень пышные родные волосы, и, указав на парик, произнесла: «Тот, кто теперь определит, где у него зад, а где перед, получит пятерку в четверти».

И улыбнулась.

Мы были потрясены. Мы сделали гадость, а она улыбнулась. И клянусь: я ничего не помню из химии, но всегда помню ее улыбку.

Я запомнил человека, а для меня это важнее, чем предмет. Кроме того, я запомнил из всей химии единственную формулу – H_2SO_4 . И это было именно на этом уроке. Я запомнил ее, благодаря парикю.

Итак, мы будем говорить о журналистике весело, потому что невозможно не улыбнуться факту, что кто-то берет у кого-то интервью и за это еще платят деньги.

Трудно не ухмыльнуться, читая в желтой газетке откровенное вранье, одновременно понимая, что написавший это вранье не только не сел в тюрьму, но еще гордо называется «наш корреспондент светской хроники».

И конечно, невозможно не зайтись гомерическим хохотом, читая хвалебные «аналитические» опусы спецжурналистов, обслуживающих власть.

Все это кто-то назвал журналистикой, и трудно понять, как в одной профессии могут соединяться Бог и черт. Поэтому будем рассуждать об этой странной профессии с улыбкой, как рассуждаем о неведомом.

Кстати, я недавно прочитал в Интернете крикливый заголовок «Солнце гаснет!». Под заголовком была обычная полуграмотная заметка, что через 8 миллиардов лет с солнцем начнутся некоторые

проблемы и на юге летом не будет так же комфортно, как сейчас.

Я улыбнулся. Меня поймали.

Почему я улыбнулся?

Потому что меня поймал профессионал. Какой-то сосунок понял, как меня, опытного человека, не верящего никому и считающего пиаром любую публикацию, заставить нажать на баннер.

Я ненавижу этого идиота, но уважаю его. Он профессионал.

Давайте уважать профессионалов, но говорить о журналистике с улыбкой.

НУЖНО ЛИ СЧИТАТЬ НАПИСАННОЕ В ЭТОЙ КНИГЕ ДОГМОЙ?

Конечно, каждый автор немного тщеславен. Это «немного» выражается в том, что ему просто хотелось бы, чтобы его книга осталась жить в веках.

Я не исключение. Сразу заявляю, что я не против, чтобы она вошла в список обязательной литературы для изучения в школах.

Мне было бы приятно, чтобы цитаты из нее крупно писались на стенах общественных зданий, а диктаторы в разных странах заявляли: «Мы отменяем в стране свободу слова. Но то, что написано в этой книге, священо!!!»

И так далее.

Однако вопрос о догматизме этой книги я бы разделил на две части.

Первая: является ли сам автор источником или наследником святости.

И вторая: нужно ли считать священным то, что он написал.

Для выяснения первой позиции автор провел три эксперимента.

Во-первых, я подошел к зеркалу и внимательно посмотрел на себя, одновременно держа в руке фото матери Терезы.

Разница была очевидна. Лицо матери Терезы несло отпечаток всех ее благих дел. Мое лицо в зеркале отражало только вчерашнюю вечеринку и мое разнузданное на ней поведение.

Второй эксперимент – это тщательное изучение картины Леонардо да Винчи «Тайная вечеря». Я пытался

найти среди присутствующих кого-то похожего на себя, тем более что один из них носил имя Матфей, а это уже внушало надежду. Но, как оказалось, Леонардо был посредственным художником, и изобразить на этой жалкой картине кого-то, похожего на меня, ему не удалось. Кроме того, изучение текста клубной вечеринки, которую изобразил Леонардо, показало, что они там говорили о чем угодно, но только не обо мне или моей книге.

Однако третий эксперимент я могу смело назвать удачным.

Я еще раз пересмотрел мой любимый фильм Мэла Брукса «Всемирная история» (History of the World). Там, как вы помните, Господь призывает Моисея. Моисей вылезает из-за холма, держа в руках заповеди господни, две из которых роняет. Они были высечены на камне и разбились. Этот крайне достоверный и убедительный эпизод доказывает, что было не десять заповедей, а двенадцать. Я твердо убежден, что Моисей разбил именно те две заповеди, в которых давалось четкое указание, касательное будущего моей книги и ее автора. Но поскольку камни разбились, то юридически подтвердить я это не могу.

Следующий важнейший вопрос – догма ли то, что написано в самой книге.

Ответ на это долго искать не нужно. Первое, что важно понять, – это не теоретический учебник. Автор понимает, что существуют сотни журналистских школ, где преподаватели – гении, а стены их кабинетов увешаны дипломами в увесистых рамках. Они строго взирают на аудиторию, и их слова – божественное откровение. Я понимаю, что соревноваться с ними бесполезно.

В этой книге автор идет другим путем. То, что тут написано, – это сумма впечатлений, навыков и опыта одного конкретного человека, самомнение которого

повысилось настолько, что он решил написать эту книгу.

А почему бы и нет? Между прочим, я вспомнил, что у меня тоже есть масса журналистских наград. Правда, в основном это часы. Они все свалены в один большой ящик, а если их оттуда вытащить, то можно убедиться, что они все вмурованы в гигантские куски камня. Часы всегда показывают разное время, потому что те, кто награждает, всегда покупают самое дешевое из Китая. А в камень вмуровывают, наверное, для того, чтобы премией отомстить тебе за твои публикации.

Но среди этих часов есть несколько, о которых нужно сказать особо.

Однажды я хорошо написал о космонавтах. Я написал, что профессия космонавта стала обыденностью. Что никто уже не помнит списка космонавтов, мало кто мечтает стать космонавтами. Всех победили, как вы знаете, адвокаты и зубные врачи. А Билл Гейтс и «Гугл» со своими миллиардами просто, как Дольче и Габбана, ввели новый идеал мужчины: вместо атлетичного космонавта –дохлый очкарик, системный администратор.

Но случилось так, что они, оставшиеся космонавты, решили меня наградить.

Я приехал в Центр управления полетами, и из-за кулис вынесли награду, от которой у меня глаза полезли на лоб.

Представьте себе метровый кусок блестящего бесформенного металла, в который вмонтированы, естественно, часы.

– Что это?! – с ужасом спросил я.

– Это титановые сопки, – радостно закричали космонавты. – Берите на память!

Я понимал, что настал момент моего позора. Поднять эту штуковину могли только ребята из Книги рекордов Гиннеса, причем все сразу.

- Берите, берите! - веселился зал.

Я, как в полусне, подошел к награде и, напрягшись, дернул ее. И тут произошло невероятное - кусок металла подскочил у меня в руках, как игрушка! Он почти ничего не весил.

Оказалось, что это фирменный подарок космических сталелитейщиков. Это гроздь застывшего титана - фантастически легкого металла.

Только тогда, когда с тобой сыграют такую шутку, ты понимаешь, почему космические корабли все же взлетают при своих чудовищных размерах.

Я не буду описывать подробно дальнейшую судьбу этой награды, потому что для этого необходимы талант и эпичность Гомера.

Скажу кратко: привезенный домой титан на всех падал. Кошка сбежала. Часы шли, как всегда, неверно. Я пытался этот чудный дар кому-то подарить. Но что на свете бессмысленней титановых соплей? Их никто не брал.

Тогда я решил сдать эту штуку в металлолом. Ее вначале взяли, но потом принесли обратно, потому что расплавить титан можно только у тех же ребят, которые мне это подарили.

В конце концов, я всучил этот ужасный кусок несчастья проезжим цыганам. Они взяли его, не зная, что часы врут, а металл не плавится.

Но им понравилось, как это все блестит.

Боже, благослови незнание!

Еще одно важное замечание. Вас может удивить, что иногда я говорю о печатных изданиях, иногда о радио, а иногда о телевидении. Вы справедливо заметите, что в этих разных видах средств массовой информации действуют разные законы.

Вы правы, но там есть и общее. Это ваша голова и мысли в ней.

Поэтому я построил книгу так: вначале я говорю о ваших мыслях, тайных желаниях и о том, как они соотносятся с журналистской профессией, а потом даю ряд выстраданных практических советов.

Конечно, как и полагается в учебнике журналистики, хотя и не совсем обычном, я привожу различные примеры и называю некоторые фамилии. Но фамилии этих людей и эти примеры вам хорошо известны. Это сделано специально, чтобы вы сразу понимали, о ком разговор, и чтобы не тратить лишнее время на объяснение.

Однако вернемся к главному вопросу – как эту книгу нужно воспринимать. Ответ прост – исключительно как абсолютно субъективные заметки человека, который профессию журналиста представляет себе так, а не иначе и хочет что-то подсказать из собственного опыта, а также уберечь читателя от элементарных ошибок.

Пусть грабли, на которые мы всегда наступаем, бьют вас слабее, чем меня.

Одно из важных преимуществ этой книги – ее многоцелевое использование. Например, один мой друг, увидев книгу, сказал, что она ему особенно полезна, так как цвет обложки подходит к его обоям, а если ее положить на край его журнального стола, то он перестанет качаться. И это гораздо лучше, чем подкладывать бумагу под одну из ножек.

Если же спросить самого автора, что делать с его книгой, то он, автор, все же рекомендует заучивать главы наизусть и по утрам декламировать их как гимн новому дню. А перед сном можно ставить книгу на видном месте, рядом с портретом любимой девушки.

ПОЧЕМУ НЕ СЛЕДУЕТ СТАНОВИТЬСЯ ЖУРНАЛИСТОМ

Моя мама говорила мне в детстве: «Тебя легче убить, чем прокормить!»

В этой фразе – вся парадоксальность материнской любви. Она чувствовала возможные трудности, которые будут подстерегать ее сына, и размышляла о возможном и кардинальном решении моих будущих проблем.

И поскольку мои чувства к читателям этой книги почти материнские – ведь многие из вас эту книгу не украли, а купили, то я постараюсь сейчас, в самом начале книги о журналистике, сделать смелый, но циничный шаг – отговорить вас быть журналистом. Я постараюсь доказать, что профессия журналиста в глазах общества является низшей стадией человеческого падения.

Итак, приступим.

История нас учит, что если ваши родители не наскребли на ваше обучение в Гарварде, то ваши дела плохи. Остается прозябать зубным врачом или захудалым юристом.

Однажды я был в гостях у одного телевизионного магната в Денвере, и он с гордостью показывал мне свою суперсовременную студию спецэффектов. Потом он кормил меня королевскими креветками, одновременно жалуясь, что по последним исследованиям в них много холестерина. Лучше омары.

Мы поехали искать нужных омаров. Дорога пошла в гору, и вдруг справа возник высоченный забор, из-за которого выглядывали верхушки каких-то сказочных дворцов.

- Что это? – удивился я.

- Тут живут адвокаты, – то ли с ненавистью, то ли с уважением произнес хозяин.

Ясно, что в его внутренней иерархии человек с профессией журналиста мог только стоять перед этим забором и описывать красоту этого забора, но не более.

Свой вклад в представление журналистики, как публичной девки, внесли и фильмы.

Вспомним типичный сюжет детектива: коп приезжает на место убийства, но там уже выются репортеры. Расталкивая друг друга, они суют микрофон под нос шерифу, выкрикивая: «Скажите, кто убийца?!» То, что шериф приехал сюда минуту назад, сценариста, который писал этот кинобред, никак не смущает. Обязательна фраза шерифа: «Никаких комментариев!» Вторая фраза шерифа обязательно обращена сержанту: «Прогоните их!»

И толпу журналистов разгоняют чуть ли не палками.

Иногда сценаристы выходят из творческого запоя и неожиданно понимают, что журналист – это человек.

Однако тогда рождается другой бред: сыщик и обольстительная журналистка сидят у барной стойки. Далее следует шедевриальный диалог:

ОН (*курит*). Вы ведь не зря назначили мне здесь встречу.

ОНА (*посасывая из трубочки коктейль с вишенкой*). Мне кажется, вы знаете больше, чем говорите.

ОН (*устало потирая лицо, так как не спал три дня*). А почему я вам должен доверять?

ОНА (*намеренно оголяя силиконовую грудь*). Потому что вы не знаете то, что знаю я.

ОН (*допивая двойной виски*). И что вы предлагаете?

ОНА (*приближая губы к его небритому лицу*). Давайте объединим усилия!..

Дальше между ними происходит горячий секс, а потом им удается раскрыть заговор против президента

и арестовать министра обороны, который настаивал сбросить атомную бомбу на Москву.

Необычайно популярен образ журналиста-подонка.

Вспомним мой любимый фильм «Крепкий орешек» (Die Hard).

Негодяй журналист получает в первой же серии достойный удар по физиономии от героя. Во второй серии этот же журналист снова получает удар. Такие эпизоды клонируют, потому что это нравится публике. То, что по сюжету этот журналист сообщает в свою телекомпанию, что самолет, в котором он летит, может разбиться из-за террористической атаки, о чем все официальные лица молчат, – то есть выполняет свой журналистский долг, никого не интересуется.

Подытожим нехитрый набор отрицательных образов журналистов, популярных в кино:

1. Идиотка-блондинка, тараторящая текст, что Годзилла уже рядом.

2. Продажный журналист, покупающий информацию.

3. Продажный журналист, продающий информацию «Викиликсу».

4. Спившийся журналист, в Колумбии сотрудничающий с наркобаронами, но, по случаю, берущий деньги от ЦРУ.

5. Стареющий ведущий, отчаянно цепляющийся за эфир и интригующий против молодого ведущего.

6. Молодой ведущий, подсиживающий старого ведущего.

7. Журналист из президентского пула, знающий, что президент уже инопланетянин, но молчащий об этом.

Еще один отвратительный пример журналистского падения показан в моем любимом сериале «Морская полиция» (NCIS).

Агент Гиббс идет в тюрьму в последний раз допросить серийного маньяка и убийцу, которого казнят через 36 часов на электрическом стуле.

Убийца сидит в камере и что-то увлеченно читает. Перед его решеткой крутится нервный молодой человек с бегущим взглядом.

- Что-то не так? - спрашивает молодой человек, заглядывая через плечо убийцы в текст, который тот читает.

- Глава о моей матери стала лучше, но над ней нужно еще поработать, - говорит приговоренный.

- Я пытался придать ей человечности, - нервничает молодой человек.

- Моей матери не нужна человечность, - холодно говорит убийца.

Входит Гиббс. Выясняется, что молодой человек - это журналист, которому маньяк разрешил написать свою биографию.

Гиббс требует, чтобы биограф вышел, но тот заявляет, что штат Вирджиния гарантировал ему постоянный доступ в тюрьму, особенно в последние три дня.

- Когда вы увидите его в следующий раз, то у него будут идти искры из задницы, - мрачно шутит агент Гиббс, доставая из портфеля толстый пакет.

- О, вы нашли мой фотоальбом? - замечает убийца.

Действительно, это фотоальбом, наполненный страшными фотографиями, которые делал убийца, расправляясь с жертвами.

Это видит и молодой человек.

- Альбом! Вы нашли его альбом! - восклицает он. - А когда он будет издан? Можно я для книги возьму оттуда пару фотографий?

В результате молодого человека вышвыривают, несмотря на разрешение штата Вирджиния. И я считаю, что правильно вышвыривают, потому что если говорить

о подобных ничтожествах и называть их журналистами, то я не возражал бы, чтобы искры и у них летели из разных мест, а не только из того, о котором упомянул мой любимый агент Гиббс.

Картину журналистских падений органично дополняют ведущие молодежных музыкальных каналов. В них идет вечная борьба остатков образования с отчаянной попыткой быть вечно молодым, подкрепляя это молодежным сленгом. Саша Барон Коэн довел это до самопародии, сыграв на MTV персонажа Ali G. Зрители очень смеялись, не понимая, что смеются над собой.

Итак, в массовом сознании журналист - это полупродажная поверхностная личность, сующая нос, камеру и микрофон в реальную жизнь, дезинформируя граждан с целью заработка и перевирая ее в карьерных целях.

Еще более отвратительны создания, которых называют папарацци. Несчастный фотограф Папарацци из моего любимого фильма Феллини «Сладкая жизнь» (La dolce vita) и не думал, что его имя так обесславят современники.

То, что имя собственное превратилось в имя существительное, потеряв заглавную букву, - это не случайно.

Главная цель папарацци - сфотографировать знаменитость на его яхте. Причем сделать фото в самом невыгодном ракурсе. Если фотографируется мужчина, то обязателен торчащий живот. Если женщина, то обязательно виден целлюлит. Если крупный план, то лицо видно плохо, а перхоть хорошо.

В ход идут самые современные объективы, приборы ночного видения и вертолеты.

За эксклюзивные фотографии от желтых журналов папарацци получают гонорары с шестью нулями. Чтобы

получить скандальную фотографию, папарацци идут на преступления.

Суд присяжных не успел подтвердить их вину в смерти принцессы Дианы, как мы узнаем о новом разбирательстве: в суд Лос-Анджелеса поступил иск против британского агентства «Splash, News & Picture». Истцы утверждают, что два папарацци, с ведома и за деньги агентства, угощали кокаином известного актера Хита Леджера. Все это они снимали на видео, которое потом было передано в СМИ. И еще остается вопрос – не виновны ли эти папарацци в трагической смерти этого 28-летнего актера.

Кстати, в триллере «Папарацци» (Paragazzi) очень хорошо показано, как папарацци доводят кинозвезду до места. Фильм снял Пол Абаскал – бывший парикмахер Мела Гибсона, то есть человек, знающий тему. Он много лет подстригал актера, и я представляю, сколько горестных историй о папарацци он от него услышал. Думаю, что именно парикмахер, с бритвой и ножницами в руках, мог создать такое справедливое и мстительное кинополотно. А то, что сам Гибсон был продюсером фильма, говорит о том, что идея вздернуть всех папарацци на рее его новой яхты находится в стадии разработки.

Преступлениям журналистов нет числа. Они берут деньги от политиков и профсоюзов, выдавая проплаченный материал за свое независимое мнение. Журналисты не ждут конца расследования, публикуя версии, оскорбляющие невинных людей.

Этот неполный список журналистских преступлений можно продолжать, но давайте зададимся вопросом: а почему мы все это безобразия читаем и смотрим?

Отгадка в одной человеческой особенности.

Рассмотрим пару примеров.

Вы едете в длинной пробке – впереди авария. Но пробка не потому, что дорогу перегородили

столкнувшиеся машины, а потому, что каждый водитель притормаживает, чтобы посмотреть, кто и как столкнулся.

Парадокс в том, что ты минуту назад точно знал, почему пробка, минуту назад ты проклинал этих идиотов, которые всех тормозят. Но, оказавшись пред аварией, ты обязательно притормозил.

Другой пример: одна слушательница прислала мне письмо, в котором писала, что ненавидит меня уже много лет. Ей не нравится каждое слово, которое я говорю. А когда она видит меня на экране, у нее начинается что-то похожее на пляску святого Витта, хотя она точно не знает, что это такое. И она в письме спрашивает меня, что ей делать с тем, что ее все же каждый день тянет слушать мои эфиры. Кстати, она ходила советоваться к священнику. Он сказал, что мои эфиры – это либо испытание Господне, либо свидетельство существования сатаны. Священник добавил, что тоже слушает меня ежедневно, но исключительно для того, чтобы постичь бездонный уровень моей греховности. Пока что это постижение в процессе.

Третий пример – это юмористические шоу.

Когда социологи проводят опросы, то телезрители гневно заявляют, что, во-первых, телевизор они не смотрят, а кое-кто его просто выкинул. Во-вторых, зрители заявляют, что более всего не любят глупые низкопробные юмористические шоу, но умирают от счастья, когда показывают симфонические концерты и инсценировки Шекспира.

Реальность же показывает, что это абсолютная ложь: рейтинги юмора гигантские, а Шекспир и Моцарт, судя по их рейтингам, должны серьезно подумать о своем плачевном будущем.

Я бы осудил зрителей, потому что перед нами явный порочный пример мазохизма, двуличия, и еще, как

любят говорить политики, «применения двойных стандартов». Но я никогда этого не сделаю, потому что естественное любопытство, жажда получения наиболее точной и достоверной информации и небольшое преувеличение собственного интеллекта не могут считаться пороком. А именно так я бы и назвал эти недостойные стороны поведения публики. Желание новой информации – это базовая потребность, как секс, пища и сохранение собственной безопасности.

Неважно, хочет ли публика знать подробности жизни поп-звезды или политика, потому что это явления одного порядка.

Но если подробности очередного развода поп-звезды приведут лишь к пятиминутной дискуссии с выводом «так ей и надо», то подробности жизни политика могут изменить страну. Неожиданная новость, что его секретаршей, на неплохую зарплату, устроена его любовница, может привести к уходу этого политика с должности и даже к падению правительства.

Кто сообщает вам об этом?

Те же журналисты.

Важность этой профессии подтверждает и тот факт, что уникальный музей журналистики в США переместился из Росслина, штат Вирджиния, в Вашингтон. И на строительство нового здания нашлось 450 миллионов долларов. А за первые пять лет его существования залы этого музея посетили более двух миллионов человек.

Идем далее: а знаете ли вы, что журналистика – опасная профессия.

Конечно, если вы будете репортером со светских тусовок, то вам опасаться нечего. В крайнем случае, какая-нибудь звезда бросит в вас коктейль за назойливость. Правда, потом, на пенсии, вам нечего будет вспомнить, кроме формы пятна от этого коктейля.

Но однажды, неожиданно для самого себя, вы решите написать о всяких безобразиях, потому что они вас возмутят. И вот тут журналистика повернется к вам своей другой, опасной стороной.

«Уотергейт» стал классикой.

Журналисты рискуют жизнями и стоят под бомбами.

В странах с диктаторами у власти они гниют в тюрьмах.

Убийства журналистов стало привычным явлением.

Почему я пишу об этом?

Потому, что это правда!

Потому, что, выбрав эту профессию, вы можете погибнуть.

И вы должны отчетливо это понимать.

Вас могут убить по политическим мотивам, потому что вы узнали что-то серьезное, что власть не хочет обнародовать.

Вас могут убить по религиозным мотивам, потому что религиозные фанатики любое слово в их адрес воспринимают как покушение на их догмы. Многие европейские журналисты ходят с круглосуточной охраной.

Вас могут взять в заложники террористы.

Вас могут убить местные, потому что вы о них неправильно написали и вообще лезете в их дела.

Вы скажете – я сгущаю краски? Ничуть!

Журналист – фигура всегда социальная, даже если вы пишете про местную дискотеку.

Конечно, журналиста защищает закон, но вам вряд ли будет интересно, после похорон, узнать, что ваше убийство раскрыли и негодяи наказаны.

Я лично хоронил своих друзей, которых безмерно уважал.

Они не были военными, но погибли на войне.

Что же они защищали?

Они защищали, может быть, сами того не зная, небольшой документ, который знает и уважает все человечество. Он называется «Всеобщая декларация прав человека». Он был провозглашен ООН 10 декабря 1948 года.

Там есть статья 19-я.

Всего несколько слов:

«Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их. Это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

За эти несколько строчек каждый год в мире гибнут больше сотни журналистов.

Я не говорю, что вы обязательно должны погибнуть. Но мы с вами договорились, что я буду говорить вам правду, а в жизни бывает все.

Если вы к этому не готовы - не идите в журналистику.

КАК ОПРЕДЕЛИТЬ, ЕСТЬ ЛИ В ТЕБЕ ЖУРНАЛИСТСКИЙ ДАР И МОЖНО ЛИ ЕГО КУПИТЬ ЗА ДЕНЬГИ

Конечно, в наше время почувствовать себя потенциальным журналистом нетрудно.

Моя дочь однажды попросила купить ей диктофон, а когда я его купил, то она стала брать у меня интервью. Первое же, что она спросила, сколько женщин было у меня до моей нынешней жены – ее мамы. Интересно, что жена стояла тут же, в ожидании моих ответов, изображая заинтересованную аудиторию. Я замялся и спросил, не хочет ли дочь, чтобы я рассказал ей что-то о журналистике. На что дочь ответила, что спрашивает то, что требуется, потому что если количество любовниц у меня было больше двадцати, то она сможет продать эту заметку местной газете. А на вырученные деньги они с ее мотоциклистом купят побольше бензина, чтобы уехать подальше от наших замечаний.

Такое представление о журналистике типично: достаточно взять любой гламурный журнал и увидеть на фото, как какая-то девица сует микрофон под нос местной звезде. Так что, если рассматривать журналистику как процесс покупки дешевого диктофона и последующий поход на светскую тусовку, то вы, безусловно, журналист. Однако в этой простоте спрятались первые трудности: на тусовке вы должны встретить звезду, она должна согласиться дать интервью, и, в конце концов, вы где-то должны это все опубликовать, чтобы получить деньги. Упоминание денег за вашу работу неслучайное, ибо мы

рассматриваем журналистику не как хобби, а как профессию.

Но даже если у вас есть микрофон и звезда, то начинаются сущностные проблемы.

Во-первых, нужно понять, о чем спрашивать это одноклеточное существо в узком платье и на шпильках.

Во-вторых, вы осознаете, что это существо не может ответить ничего, кроме фразы: «Я хотела бы, чтобы на земле не было войны».

А в-третьих, кто вам заплатит за этот бред?

Это вопрос закономерный, потому что деньги платят за что-то оригинальное. Например, за разговор со звездой, которая сделала столько подтяжек, что последние сорок лет скрывается от публики. Или за беседу с диктатором, который, сидя на атомной бомбе, уверяет вас, что это просто стул такой оригинальной формы.

Конечно, есть особая каста журналистов, которые столь авторитетны, что не они просят дать интервью, а к ним на интервью записываются в очередь. Понятно, что их время расписано надолго вперед.

Но ведь когда-то они были новичками, ведь когда-то они впервые почувствовали, что им нужно заниматься именно этой профессией.

Как же это происходит?

Рассмотрим пример.

Однажды в понедельник мой хороший приятель пошел в ресторан, где ему подали холодное мясо, да еще и обхамили.

Он пришел домой злой и стал сгонять злость на мухах в квартире, прихлопывая их местной газетой. Расправившись с мухами, он развернул газету и обнаружил в ней раздел «письма читателей». Редактор газеты, который находился в конфликте с мэром города и старался сделать все, чтобы его не переизбрали на

новый срок, предлагал всем писать, что в городке не так.

Мой приятель был настолько зол, что написал в эту газету письмо о случае в ресторане. Эту заметку тотчас же опубликовали.

На другой день он пошел в тот же ресторан, где ему подали такое же мясо и обхамили дважды. Один раз по традиции, второй раз за заметку.

Приятель тут же прибежал домой и написал в эту газету снова.

Потом он снова пришел в ресторан, но все повторилось, несмотря на письма.

Так продолжалось всю неделю, за исключением четверга, когда его за заметки побили на заднем дворе ресторана.

Но, как известно, пятница – благословенный день!

В пятницу он вновь пошел в ресторан и, к удивлению, обнаружил там кучу всякого народа.

Там были санитарная инспекция, которая исследовала мясо, несколько представителей совета по этике и даже небольшая демонстрация местного союза вегетарианцев, которая требовала запретить в публичных местах продавать бифштексы и носить шубы, хотя шубы в этом ресторане никто не носил.

Приятель пришел домой, посчитав свой долг выполненным.

Но в понедельник ему позвонили из газеты и попросили прийти в редакцию.

Он думал, что его будут бить прямо там, но оказалось, что в кабинете главного редактора его ждали мэр этого городка и масса репортеров.

Мэр на моего друга вначале злобно зыркнул, но когда включили видеокамеры, он вдруг стал трясти ему руку, улыбаться и говорить, что именно благодаря таким людям, как мой приятель, наш город искореняет пороки. И он, мэр, решил лично поблагодарить газету и

этого читателя, который рассказал правду про этот нехороший ресторан – последний недостаток при его правлении. На этих словах мэр так сжал руку приятеля, что захрустели кости.

Далее мэр отметил, что мой приятель не склонился перед трудностями. Целую неделю он ел холодные бифштексы, подвергая свое здоровье риску, и в режиме «онлайн» сигнализировал обществу, что порок неискоренен. И он, мэр, лично благодарит моего приятеля и заявляет, что если его, мэра, снова переизберут, то мясо будут подавать только при температуре, рекомендованной федеральным бюро по питанию.

Вспомнив несколько цитат из конституции, мэр отбыл, не забыв на прощанье снова до хруста сжать руку правдолюбцу.

Приятель уже собрался уходить, но неожиданно главный редактор попросил его задержаться и спросил, чем он занимается. Приятель ответил, что у него небольшой магазин скобяных товаров и что он там работает до семи. Тогда редактор предложил, чтобы после семи мой приятель ходил по разным ресторанам, пробовал мясо и тестировал эти рестораны на наличие хамства. И еженедельно писал об этом отчеты, причем правду. Приятель спросил, за чей счет будет еда. Редактор ответил, что за счет редакции. Услышав это, приятель сразу согласился. Напоследок редактор сказал, что в его заметках, кроме имени, будет стоять фраза «наш ресторанный критик», но это не отразится на гонораре.

Итак, приятель начал ходить по ресторанам и коряво, как мог, писать об этом. Поначалу от его писанины все падали в обморок. Потом кулинарные заметки приятеля стали править всей редакцией. Но постепенно новоявленному критику стало интересно, а как пишут другие. Он стал вдумываться в прочитанные

чужие тексты и понял, что, оказывается, любая заметка имеет свой размер, стиль и жанр. И приятель постепенно стал писать лучше, параллельно искореняя рестораны с холодным мясом и хамством.

Его несколько раз снова били, о чем он также не забывал написать.

Однако появилась другая проблема - в городке уже все знали о его миссии, и когда он приходил, то ему в любом ресторане, под видом прозаического бифштекса, подавали только мраморное мясо, привезенное накануне спецрейсом из Аргентины. Причем бифштекс подавала одна и та же официантка, в которой нетрудно было узнать победительницу местного конкурса красоты.

Тогда приятель пришел к редактору и честно сказал, что его миссия исчерпана. Он заявил, что ему, конечно, нравится вот уже три месяца каждый день обедать за счет местной газеты, но он помнит просьбу редактора - писать правду. А правда в том, что рестораны стали лучше, а специально писать плохо о них он не может и не хочет.

Редактор задумался. Он не хотел терять моего приятеля, потому что его заметки пользовались успехом, кроме того, он ему мало платил.

- Знаете что, - предложил он, - вы, по-моему, так хорошо стали разбираться в ресторанах, что можете просто писать о хороших блюдах и о правильной еде. Ведь вы это понимаете лучше, чем кто-либо в нашем городе.

Приятель согласился. Он действительно увлекся этим странным занятием.

- Только теперь я не буду вам оплачивать обеды, - осторожно сказал редактор.

- Не проблема, - ответил приятель, - рестораторы готовы возить мне все на дом, лишь бы я о них написал.

А дальше получилось вот что: заметки приятеля стали перепечатывать большие журналы, потом он стал для них писать.

Теперь он один из крупнейших кулинарных журналистов, или, другими словами, ресторанных критиков, и даже участвовал в переиздании нескольких томов знаменитой французской кулинарной энциклопедии «Ларусс».

А сейчас внимательно разберем этот случай. Только внимательно, потому что в нем, как мне кажется, как в капле воды, отражается весь мир журналистики.

Начнем с того, что приятель столкнулся с неким недостатком. И неважно, что эта была его личная проблема.

Главное, что он определил: вот «это» – недостаток.

Второе: он, обуреваемый чувствами, решил об этом написать.

Тут тоже есть важное и неважное.

Неважно, что этот недостаток просто ему не нравился. Согласитесь, мы ежедневно с вами сталкиваемся с миллионом недостатков. Сотни газет предлагают нам об этом написать.

Но вот вопрос – а мы пишем? Нет.

А он написал.

Иначе говоря, он решил предать некий, как он считал, негативный факт общественной огласке. Почему? Потому что у него появилось внутреннее ощущение, что этот факт общественно значим. Это очень важный и принципиальный момент. И действительно, почему мы с вами должны есть холодное мясо под хамские выкрики?

Далее, он не побоялся снова приходить в этот же ресторан, не побоялся писать заметки и оказался правдивым человеком.

Но и это не все.

Он не использовал свои возможности в личных целях. То есть не делил рестораны на хорошие и плохие, не брал взятку в виде денег, выпивки или поцелуев победительницы конкурса красоты.

Когда тема себя исчерпала, он честно об этом признался, а когда ему предложили поменять жанр, он согласился, хотя ему пришлось многому научиться заново.

Не подумайте, что я хвалю своего приятеля. Я просто констатирую значимые вещи.

Смею заявить, что мой приятель – настоящий журналист, хотя никогда этому не учился, да и если бы я тогда ему это сказал – он бы крайне удивился.

Итак, подведем некий итог.

Вы должны уметь, сообразно внутренним критериям, отличать плохое от хорошего, вы должны чувствовать недостатки жизни.

Вы должны не побояться публично заявить об этих недостатках.

Вы должны написать или сказать об этих недостатках так, чтобы на это обратило внимание как можно больше людей.

Вы должны понимать, что далеко не все считают недостатком то, что считаете вы. Более того, вы должны быть готовы, что вам придется в темном переулке встретиться с авторами этих недостатков.

Вы должны понимать, что один раз написать о недостатках – это просто нагреть воздух. Радио, телевидение, Интернет, блоги – это все размывает вашу проблему, она теряется в потоке информации. Поэтому вы должны быть готовы снова и снова говорить на ту же тему, чтобы какой-то человек однажды сказал жене: «Слушай, этот парень уже в пятый раз пишет об этом ресторане. Может, не пойдём в него, а выберем другой?»

И это будет ваша маленькая журналистская победа.

Прочитав этот итог, вы можете удивиться: разве я пишу о профессии? Вроде бы пишу просто о некоторых человеческих качествах.

И да, и нет.

Если вы пишете неграмотно - вы можете подучиться.

Если вам нравится чей-то журналистский стиль - вы его можете освоить.

Если вы хотите писать о какой-то удивительной, доселе неизвестной вам профессии - вы можете ее изучить.

Вы не можете только одно - заставить себя рассказывать об этом другим. Это дар, это особое человеческое свойство.

Оно либо есть, либо его нет.

И именно этот дар отличает журналиста от всех прочих людей. Это как будто подвид *homo sapiens*.

Вы видите недостатки и не можете с ними мириться?

Вам хочется, чтобы негодяи сидели в тюрьме?

Вы знаете, как красиво одеваться, и вы хотите, чтобы так же красиво одевались другие?

Вокруг вас сотни действительно талантливых людей, и вы хотите с их талантом познакомить других?

Вы хотите, чтобы то, что знаете вы, узнали миллионы?

Это значит, что свое личное вы считаете общественно значимым.

Это значит, что вы социальная личность.

Это значит, что вы можете стать журналистом.

Ибо профессия журналиста на девяносто девять процентов состоит из его личных человеческих качеств.

И никак иначе.

КАК СДЕЛАТЬ ПЕРВЫЙ ШАГ И НЕ УПАСТЬ В ОБМОРОК

Мы с вами уже говорили, что зародыш журналистики – в вашем желании рассказать всем о своем, личном, или о том, что привлекло ваше внимание. Мы говорили также о том, что это желание непреодолимо. Вас распирает от этого желания.

Но вам страшно.

Мне тоже бывает страшно. У меня есть несколько страхов, которые я старательно пытаюсь изжить.

Например, страх перед тещей. Мне все время кажется, что она скажет, что останется у нас еще на три месяца.

Этот страх меня парализует.

Ваш страх другой природы. Это страх перед неизвестностью.

Однажды теща сказала, что сделает для меня торт. Но оказалось, что к торту нужен крем. И я был привлечен к взбиванию этого крема.

Я стоял в красивом фартуке в цветочек и томился неизвестностью – я не понимал, сколько мне его взбивать. Я бешено вращал взбивалку и думал о потерянной жизни. Я подсчитывал, сколько гениальных книг мог написать и сколько талантливых передач мог провести.

Но я не писал и не вел. Я взбивал крем. В это время теща говорила по телефону. Она, наверное, поговорила со всеми своими подругами, даже с теми, которые перестали разговаривать с ней много лет назад. К этому времени я взбил уже такую пену, которой хватило бы, чтобы поставить в центр торта саму тещу.

Потом она вошла и сказала, что я все испортил, ибо крем нужно было взбивать медленно и не более пяти минут. И я должен начать все сначала.

Почему я привел этот пример? Потому что иногда страх нами сильно преувеличен.

Но вернемся к страху первого шага. Действительно, с какой стати в местной газете должна появиться ваша крохотная заметка, написанная дрожащей рукой.

Я обещал в этой книге говорить вам правду, и я правдиво и честно отвечаю на этот вопрос.

Она появится минимум по трем причинам:

1. В любой газете, радиостанции или на телеканале все места всегда заняты. Это правда, но одновременно это ложь. Во всех этих местах всегда нужны свежие талантливые люди, только об этом не дают объявлений. Я лично никогда не встречал объявления: «Нам нужен ведущий для вечернего шоу!» И я понимаю, почему так не пишут – потому что на телевидение тут же набегут тысячи сумасшедших, считающих, что мама родила их именно для этого. Но ответственно заявляю: хороший ведущий, хороший журналист всегда нужен.

2. Вам кажется, что если вы придете в местную газету, то есть просто зайдете с улицы и предложите свою заметку, например, о том, что лебеди прилетели на местное озеро, или о том, что заезжая рок-группа играла из рук вон плохо, то на вас рывкнут и спустят с лестницы. Это еще один миф. Полная ерунда! Вас могут принять холодно, равнодушно, ведь в любую редакцию каждый день приходят десятки графоманов. Но любое руководство крайне заинтересовано, чтобы у них появлялись свежие люди. Штатные сотрудники газеты не могут пересчитать всех лебедей и прослушать все рок-концерты. Есть понятие «внештатный сотрудник». А их могут быть десятки. И вы можете стать одним из них.

3. Вам кажется, что в редакции сидят люди, вцепившиеся в свой стол зубами, и что они швырнут в вас пару гранат, боясь конкуренции. И да, и нет. Никто не хочет терять работу, это правда. Но одновременно, любой сотрудник любой редакции мечтает найти молодого талантливого человека, чтобы тот стал его учеником и последователем. С какого-то момента ты понимаешь, что тебе не вечно сидеть за этим столом, и в тебе просыпается странное профессиональное отцовское чувство. Ты ищешь талант, чтобы передать ему то, что умеешь. Вы, наверное, много раз слышали фразу: «Он был моим учителем в профессии». Это не выдумка, это действительно существует. Прямое доказательство – эта книга. Я бы мог ее не писать, ведь вы можете из книги многому научиться и стать талантливее меня. Но видите, я этого не боюсь. Правда, потому, что мне за эту книгу обещали хороший гонорар. Но, если честно, я лично привел в журналистику несколько человек, которыми горжусь.

4. Очень важная причина, на которую указывают все психологи. Она называется «боязнь отказа». Вспомните себя, как вам трудно было признаться вашей любимой, что ей пора стать вашей женой. Или как мучительно прийти к кому-то и что-то попросить. Однако, как выясняется, тут ничего странного нет. Просто человек боится, что ему скажут «нет». Услышать это слово крайне неприятно – это факт. Но мой друг – психолог, объяснил мне, что эта боязнь особенная. Вам еще не сказали «нет», вы еще никуда не ходили, но вам уже неприятно, потому что вероятность того, что вам скажут «нет», – пятьдесят процентов. И вы в этот момент не думаете, что есть еще пятьдесят процентов, в которые вмещается слово «да». Вы думаете только об отказе, концентрируетесь на нем, стараетесь избежать возможных неприятных эмоций и в результате никуда не идете. Иначе говоря, по факту вы потерпели

неудачу, даже не сделав первого шага. Это много раз было в вашей и моей жизни. Но мой друг объяснил мне, как от этой боязни избавиться. Он сказал: нужно понять, что когда ты идешь к кому-то что-то просить или предлагать, то главная неприятность, которая может с тобой произойти, – это то, что тебе просто скажут слово «нет». И все! То есть тебя не будут оскорблять, звать охрану, унижать, тебя не будут позорить перед твоими родителями. Тебе просто скажут «нет». И ты уйдешь и может никогда больше не встретишь этих жалких черствых людей, не понимающих твой грандиозный талант. Например, моя дочь много раз ходила на различные актерские пробы, и ей всегда отказывали. Но она приходила домой и говорила, что все они дураки, так как не разглядели ее уникальное дарование. Лично я знаю только два таланта у моей дочери: выжимать у меня деньги на вечеринки и сбегать вечером из дома со своим мотоциклистом. Но она утверждает, что ее способности этим не ограничиваются и что скоро мир содрогнется. По факту дочь права, я не думаю, что у нее скоро появится депрессия. Так что и вам не стоит фатально относиться к отказу.

Но представим себе, что вам скажут «да». Ведь это может повернуть вашу жизнь. Так ответьте мне, стоит ли бояться слова «нет», если вы сами множеству людей говорили это слово и от этого никто не умер.

Однако вернемся от надуманных предубеждений к реальным проблемам. Конечно, не так все просто. Вы можете принести заметку в редакцию, но ее не опубликуют. Если вы помните разговор с издателем в начале книги, то смею вас уверить – он был прав.

Он меня не публиковал, потому что моя писанина была некондиционна. Проблема была в том, что я, начитавшись великих фантастов, пытался писать про

инопланетян, не понимая, что эти писатели, рассказывая про инопланетян, на самом деле пишут про нас, про людей. А про людей я писать не мог – не хватало опыта. В шестнадцать лет хорошо пишутся только стихи про разбитую любовь. Придумать «шестиногого» просто, а заставить читателя увидеть в нем человека – сложнейшая задача.

В вашем первом журналистском шаге важна адекватность. Я знаю десятки прекрасных молодых людей, которые, зная о том, что журналистика на девяносто процентов – их личность, забыли себя спросить: а из чего состоят остальные десять процентов.

Это вопрос принципиальный, им и займемся.

Представим себе, что вы редактор, а я принес вам заметку про лебедей.

Вы читаете: «Сегодня я видел лебедей в пруду. Они прилетели на неделю раньше. Их было пять. Один черный».

– И что? – спрашиваете вы.

– Ничего, – говорю я. – Публикуйте и давайте деньги, только побыстрее – я еще не завтракал.

– А что тут публиковать?

– Я хочу быть репортером, – нервно отвечаю я. – Прилетели лебеди – я о них написал. Не хотите эту заметку – возьмите другую. «Вчера в клубе был рок-концерт. Группа играла плохо. Народ крепко выпил. Потом гитаристу разбили гитару, и была драка. Всех арестовали».

– Ну и что, – устало говорите вы, мечтая вышвырнуть меня в окно. – Почему это должно быть в газете?

– Потому что это – правда! – важно говорю я. – Это произошло. Я это видел, а другие нет. Я хочу, чтобы про это узнали другие. Я читал в книге о журналистике, что меня это должно расpirать. Вот оно меня и расpirает.

Давайте быстрее деньги, а то у вас перед входом парковка дорогая.

- Да, парень, - говорите вы, привычно доставая из-под стола бейсбольную битку, - сейчас мы решим все твои проблемы!..

Парадокс ситуации в том, что увиденное вами - это действительно правда. Более того, в некоторых странах в 19-м и начале 20-го века репортеры именно так и писали. Просто событие - и все. Но сейчас так писать невозможно - читать неинтересно.

Оказывается, что оставшиеся десять процентов журналистской профессии не менее важны, чем предыдущие девяносто. В них - мастерство журналиста как профессионала.

Оказывается, что ваши мысли и то, что изложено на бумаге, - это разные вещи.

Да, вы видели лебедей, вы видели, как они красивы, как грациозно плавают по пруду. То, что вы видели, - вы и написали.

Но дело в том, что вы это написали так, что в человеке, который это читает, эта картина не появляется. Вы не сумели найти точных и нужных слов, чтобы читатель воссоздал картину того, что вы увидели.

Описывая драку в клубе, вы помните, что вам особо понравился момент, когда гитариста ударили его же гитарой по голове. Вам было смешно, но описать эту сомнительную радость вы не смогли - не знаете как.

Вы как иностранец в своем же государстве, где вас вдруг перестают понимать.

Вы не владеете технологией профессии журналиста. Да и откуда вам ею владеть, вы ведь нигде не учились. Так вот, те молодые таланты, о которых я писал, так и не стали журналистами, потому что не поняли, что журналистика - это полноценная

профессия. А любая профессия отвечает на два вопроса: «что?» и «как?»

И если «что?» целиком зависит от вашего внутреннего таланта увидеть интересное или от заказа редакции, то «как?» – это долгие годы учебы по выработке своего собственного стиля, за который вас будут ценить и платить деньги. И возможно даже большие.

Но вернемся к вашему первому робкому визиту в редакцию.

Если вам вернут вашу заметку – не обижайтесь. На это есть причины. Вы, например, вдруг можете внешне напомнить редактору его школьного товарища, который лупил его в младших классах.

Например, если представить себе, что редактором был бы я и мне что-то, пусть даже гениальное, принес мотоциклист моей дочери, я бы заставил его съесть собственную рукопись и запить маслом из его мотоцикла.

А потом бы я его убил. Или вначале убил, а потом заставил жевать его же флешку.

Но вы не мотоциклист моей дочери. Поэтому, чаще всего, вам откажут по простой причине – ваша заметка просто плохо написана.

Тут важно понять – перед вами стоит редактор. Это человек, со своими вкусами и пристрастиями. Кроме того, у него болит зуб и не выплачена ипотека. И еще у него есть гора текущей работы, которую ему поручили, потому что заболел его коллега.

И тут приходите вы с горящими глазами.

Поверьте, ваш приход – всегда не вовремя. Тут нет ничего личного, поэтому вести себя с редактором нужно как с больным человеком.

Для начала попробуйте исполнить план «А».

Нужно прийти опрятно одетым.

Сразу нужно заявить редактору, что вам очень нравится именно его издание, что вы не журналист, но хотите себя попробовать в этой профессии. Перед визитом обязательно найдите и прочитайте несколько публикаций именно этого редактора. Скажите, что вам нравится, как он пишет – вот почему вы пришли именно к нему. Назовите несколько заголовков, коснитесь нескольких тем из его статей, только ничего не перепутайте.

Это действует броней. Редактор впервые поднимет глаза и ощутит, что вы в кабинете. До этого он ощущал только боль в зубе.

Далее вы говорите, что тоже кое-что написали. Но вы готовы изменить текст, потому что вам важна не его публикация, а желание научиться – как писать так, чтобы это было интересно читать. Вы просите почитать заметку и дать пару ценных советов, и если возможно, после переделки прочитать ее снова.

Я клянусь вам, что редактор вначале потеряет дар речи, а потом немедленно вызовет нотариуса и усыновит вас.

Если же план «А» не подействует и хозяин кабинета скажет, что он занят – мягко переходите к плану «В».

Спросите, когда можно прийти в другой раз. Если он скажет, что никогда, то спросите совета – к кому можно обратиться. Помните, люди не любят прямых просьб, но обожают давать советы. Вы обязательно получите результат.

Могу поделиться собственным опытом: часто во время переговоров я говорю собеседнику, что не могу уйти с пустыми руками – мне обязательно нужен какой-то позитивный результат. Это действует безотказно!

Собеседник понимает, что я буду настойчив, но готов к компромиссу.

Вы можете честно сказать редактору, что от этой заметки зависит многое в вашей жизни, и вы просите

понять, что дело не в деньгах, а в вашем будущем.

Повесив такую ответственность на несчастного редактора, отца четверых детей от трех разных браков, вы как бы повяжете его ответственностью за вашу судьбу. Вы как будто стоите на мосту и говорите: «Не прочитаешь заметку – прыгну!»

Он не откажет. Но если только ваша просьба будет правдива и серьезна. Это всегда чувствуется.

Если же он откажет, переходите к плану «С» – идите к другому редактору.

Не бойтесь просить, предлагать и быть настойчивым.

В этом нет ничего постыдного.

Это часть журналистской профессии.

Запомните, вы обязательно найдете газету, где вас впервые опубликуют, радио, где впервые пустят к микрофону, и телеканал, где вашу физиономию, хоть на секунду, но покажут в эфире. Правда, в том случае, если вы вашу физиономию, наконец, приведете в порядок.

БРОСИТЬ ЛИ СВОЙ ЗАХОЛУСТНЫЙ ГОРОДОК ИЛИ БЫТЬ ПАТРИОТОМ

Как мы помним из моего любимого классического мультика, мышонок Джерри посчитал свой городок захолустьем и, бросив кота Тома, поехал в Нью-Йорк за сладкими впечатлениями. Мы также помним, чем это закончилось. Его чуть не съели коты, он прибежал по рельсам обратно, расцеловал Тома и написал: «Home, Sweet Home!»

В чем-то мы все похожи на Джерри. Мы любим стабильность. Чаше мы довольствуемся малым, боясь при эксперименте над собственной судьбой потерять то малое, что имеем.

Однако, если вы понемногу стали публиковаться, если вы получили свой первый гонорар и вам стали улыбаться собственные родители, перед вами встает выбор – заниматься ли дальше журналистикой или все же пойти в зубные врачи.

И если вы решаете идти дальше сомнительным путем журналистики, то вам придется решать главную проблему – оставаться ли дома, или двинуться в большой город. К сожалению, наши улыбающиеся, но бестолковые родители не всегда понимают, что родить нас они обязаны исключительно в столицах или как минимум в городах-миллионниках.

Произведя нас на свет в маленьком городке, в котором одна газета, одна радиостанция и три твоих друга, которые не прочь с тобой выпить пиво, но при упоминании тобой слова «журналист» начинают громко смеяться и крутить пальцем у виска, наши родители создают нам кучу проблем.

Конечно, все мы очень любим наш родной городок. В нем все уютно, понятно и удобно, как разношенные тапки. С возмужанием, кроме любимой девушки, появляются маленькие связи. Они крепнут, потом старики уходят на пенсию, и ты занимаешь какое-то их место.

Но этот благостный сценарий я написал исключительно для поваров и сталеваров.

С журналистом все сложнее.

Я обещал говорить вам правду, а она в том, что в маленьком городке, как я сказал, одна газета, одна радиостанция и, в крайнем случае, один местный телеканал. Даже если всего этого не по одному экземпляру, а по два или три – это не решает проблем.

А они в следующем: вас выгнали из одной газеты, из второй вы ушли, потому что она плохая.

И все – идти некуда!

Я знаю десятки сломанных судеб, когда из-за страха потерять место журналист превращается в чудовище, гнобимое начальством и пишущее по заказу.

Вторая проблема – темы и гости.

Я несколько лет, в начале карьеры, вел ток-шоу со звездами шоу-бизнеса. Потом я его закрыл. Причина простая – звезды закончились.

Помните, такие феномены, как многолетние американские шоу, – это уникальное явление, в корне которого кроме традиции поддерживать программу столько, сколько ее любят, есть еще один нюанс, но он главный.

В руках американского ведущего – весь англоязычный мир.

То же и с темами. Можно, конечно, писать, что прилетели лебеди, но в остальное время вы обречены слушать и смотреть большие шоу с большими и важными темами из больших студий больших городов, задавая себе вопрос: а почему меня там нет?

Но я хочу задать вам вопрос: действительно, а почему вы не там?

Расскажу одну историю.

Однажды я был в одном крохотном городке в Сибири. Это был очень маленький городок. Там была шахта, на которой когда-то работало практически все население. Нас поселили в плохой гостинице. Из окон дуло. Дороги были разбиты, и везде стояли лужи.

Нужно сказать, что так плохо в этом городке было не всегда. Во времена СССР там все жили неплохо, потому что стране был нужен уголь. Денег у властей было много, и они даже построили огромный и красивый дворец культуры. Но СССР рухнул, шахта почти умерла, денег у людей практически не было.

Наша небольшая группа журналистов решила вечером пойти в концертный зал, потому что там можно было посмотреть кино.

Мы шли по улице. Мимо нас проходили ужасно одетые люди. Подслеповато светили редкие фонари, и все это напоминало последствия какой-то войны.

И вдруг мы остановились. Честно скажу, нас просто поразил столбняк, потому что в то, что мы увидели, невозможно было поверить.

По улице навстречу нам шла высокая стройная женщина. Она была одета в длинное элегантное темное пальто. Вокруг шеи вилась красивая красная шаль, которая почти касалась грязи и луж. Ноги женщины украшали туфли на высоких каблуках, одетые явно не по погоде и не по месту.

Но главное, на ее голове была огромная шляпа, которую она несла с каким-то привычным достоинством.

Она привыкла носить эту шляпу – это чувствовалось.

Она была похожа на Айседору Дункан, которую Есенин увез в свою деревню, но там бросил.

Мы немедленно подошли к женщине и познакомились.

Оказалось, что она дочь бывшего директора этого зала. Ее отец был тут директором более сорока лет.

Она выросла в этом доме, где десятки лет бурлила культурная жизнь. Сюда приезжали лучшие артисты. Тут был хор, который знал весь СССР. Когда выходил популярный фильм, то премьера его была не в Москве, а именно тут, в этом маленьком городке. И именно сюда приезжали все артисты, игравшие в этом фильме, чтобы раздать автографы.

Однажды она, эта женщина, посмотрела спектакль Чехова «Вишневый сад», который сюда привез МХАТ, и решила, что будет одеваться, как героини этой пьесы. Она решила так ходить при любой погоде, потому что ей захотелось личным примером доказать жителям этого городка, что красивым можно быть не только на сцене. Она подумала, что жители, увидев ее в таком прекрасном виде, будут ходить не только в ватниках и сапогах.

Ее отец одобрил ее поступок. Он сказал, что это миссия.

Потом распался СССР.

Потом умерла шахта.

Потом умер ее отец.

Начальство тут же назначило ее новым директором, потому что она знала и умела все, что умел он.

Но произошло еще одно событие – в городке умерла культурная жизнь, потому что не стало денег. Никто больше не приезжал, и не стало никаких премьер, потому что всем и за все отныне нужно было платить.

Но она, эта женщина, каждый день ровно в десять утра в своем невероятном и прекрасном облачении приходит на работу.

Потому что она чтит память отца и помнит, что для нее это миссия.

– Скажите, – спросил я ее, – за все эти годы кто-то стал одеваться, как вы?

- Нет, - спокойно сказала она.

- У вас есть родственники в другом городе?

- Да. - Она назвала огромный город, столицу этого сибирского региона, город с театрами, деньгами, домами моделей и бурной культурной жизнью.

- Послушайте, бегите отсюда, - сказал я ей. - Разве вы не видите, что все, что было вам дорого, тут умерло.

- Я знаю, - сказала она. - Но у меня дети. И муж неплохо устроен.

И вдруг заплакала.

Говорят, что грустные истории рассказывают в назидание.

Я не могу осуждать эту женщину - я сам не ангел, мне много раз не хватало в жизни решительности.

Но я твердо уверен вот в чем.

Твоя миссия в том, чтобы быть там, где ты ее можешь реализовать.

Если ты полон идей, но место, где ты живешь, не подходит для их исполнения, ты обязан уехать. Повторяю, обязан!

Если ты живешь там, где нет красок, а ты мечтаешь писать картины - ты обязан поехать туда, где есть те, которые твои картины оценят. Если ты мечтаешь танцевать в балете, писать книги, снимать кино, но все, что можно в твоём маленьком городке, - это мечтать обо всем этом, ты обязан уехать!

Потому что, возможно, в этом твое божественное предназначение, и ты это ощущаешь.

Ты боишься, что ничего не получится? А что, ты уже попробовал?

С журналистикой еще сложнее. Журналистика в маленьком городке невозможна. Кроме названных ранее причин - отсутствия тем и гостей, а также фатальной зависимости от начальства, маленький городок не дает очень важных профессиональных вещей - обилия

собеседников, тем и постоянной собственной тренированности.

Когда мне нужно было принять решение – остаться в Москве или уехать в свой родной город, мне помог определиться один писатель, с которым мы дружили. У меня уже был взят билет на поезд домой, но я сомневался. Я не мог принять решение.

В маленьком городке у меня все было. Меня там любили, называли талантом, и я там легко мог решить любой вопрос. В Москве, если бы я остался, мне пришлось бы начать жизнь сначала.

Этот писатель казался мне разумным человеком, я чувствовал к нему доверие. Поезд у меня был в одиннадцать вечера, а в десять, с чемоданом, я стоял перед его дверью. Мы разговаривали на пороге – я боялся опоздать.

– Что мне делать, ехать или остаться? – спросил я отчаянно.

– Решение принимать, конечно, вам, – спокойно ответил он. – Но жизнь подтверждает правило: лучше быть вторым среди многих, чем первым в одиночестве.

Поезд ушел без меня. Билет я до сих пор храню. Наверное, для своего музея, который возведут благодарные потомки.

Лишь потом, уже на практике, я ощутил все преимущества, которые тебе дает большой город.

Например, сохранение себя: если твой стиль не подойдет одному изданию – подойдет другому. Фразу из кино, когда начальник вам кричит: «Вы уволены!», а вы отвечаете: «Не уволен, а сам ухожу!» – можно произнести на самом деле, потому что всегда есть куда уходить.

Но это не все. Вы реально в конкурентном поле. Вы либо встречаетесь с лучшими, либо можете их увидеть. Это заставляет вас читать их публикации, смотреть и

слушать их эфиры и, соответственно, чувствовать сегодняшний стиль.

Именно в большом городе решается большинство проблем – политических, экономических, культурных. И вы не смотрите это по телевизору, а находитесь прямо там, в гуще событий.

Но есть еще одно, важнейшее обстоятельство.

Жизнь моей матери сложилась так, что она не смогла учиться в институте. Я был маленький, жили мы бедно, а отец все время разъезжал по командировкам. Так вот, сколько лет уже прошло, а мама всегда говорит: «Знаешь, вот если бы я окончила институт, то, наверное, моя жизнь сложилась бы по-другому».

Она сама не знает, как бы все сложилось – просто ее мучает то, что она не использовала возможность, которую ей давала жизнь.

Или другой пример. Когда мне вручали знаменитые «титановые сопки», мы после этого выпивали с космонавтами. И они сказали мне, что космонавты-дублеры всегда страдают от того, что так и не полетели в космос, а все космонавты, вместе взятые, завидуют Нилу Армстронгу, который первым побывал на Луне.

Поверьте, это очень тяжелый комплекс. Ты мог, но не сделал. А если бы сделал, то это могло изменить твою жизнь. Разве ты хуже других?

Но это правильный комплекс. Ваша совесть мстит вам. Она напоминает, что вы не космонавт. И то, что простительно им, непростительно вам.

Совесть напоминает известную истину о том, что пусть лучше будет так: вы поехали, перепробовали все, старались как могли, но у вас не получилось. И вы вернулись. Но поверьте, вы вернулись победителем, потому что честны перед самим собой.

Вы говорите: «Я проиграл, я это признаю. Но я попробовал!..»

И между этой фразой и фразой: «Вот если бы я поехал, то стал бы...» – огромная разница.

Ваша совесть любит вашу честность.

Быть патриотом своего городка – это одно.

Быть патриотом своей профессии – совсем другое.

Поэтому вам мой искренний совет: если вы серьезно решили стать журналистом, поцелуйте родителей, возьмите денег у друзей и любимой девушки. И с криком «завтра верну» езжайте в Большой Город.

И пусть вас не мучают комплексы, как отдать деньги. Станете Ларри Кингом – вернете.

Change Is Good.

ПАРЕНЬ, ТЫ ТАЛАНТ, НО КТО ЭТО ЗНАЕТ, КРОМЕ ТЕБЯ?

Те, кто считают себя гениями, могут эту главу не читать. Остальным придется, причем пару раз.

Один из моих учителей в журналистике сказал истину, которую я запомнил на всю жизнь, хотя не всегда ей следовал.

Он сказал: «Когда ты в эфире, помни, что тебя слушают, в том числе и люди с высшим образованием».

Это мрачный, но правдивый юмор.

Почему вас безумно раздражает ведущий утреннего шоу, который путает падежи и склонения, говорит дурацкие шутки и сам смеется над ними?

Потому, что этот вполне нормальный парень, дорвавшийся до микрофона, не понимает, что он идиот в эфире.

Эфир – это ежедневное предложение купить себя как товар.

И этот утренний ведущий, который вчера со скандалом вернул в магазин бракованные джинсы, обвинив продавца в том, что ему подсунули брак, сегодня в своем эфире подсовывает аудитории себя – свой бракованный уровень образованности и некондиционный уровень интеллекта.

Нужно понять, что просто красивый и обаятельный человек в жизни – это одно, а в эфире – совсем другое.

Простой пример: представьте себе, что к вам в эфир пришел человек, который строит самый высокий дом в вашем городе.

Я задаю вам вопрос: о чем вы будете с ним говорить 25 минут эфира?

Конечно, вы полезете в Интернет, надергаете пару фактов из его биографии, немного информации о его компании и ринетесь в эфир.

Логика ваша будет проста – для начала разговора у вас информация есть, а дальше посмотрим.

Но на пятой минуте разговора вы поймете, что что-то не так: он уже ответил, как пришел в эту профессию, рассказал, что его фирма лучшая в мире.

– И что, – игриво спросите вы, – значит, ваш дом будет самым высоким в городе?

– Да, – честно ответит он, не поднимая глаз, – самый высокий.

И вдруг смертельный холодок пробежит по вашей спине. Вы поймете, что все, разговор остановился. Вы надеялись, что он будет говорить, а он тупо молчит. А о чем его спрашивать, вы не знаете.

И виноваты в этом вы, а не он. Он – строитель, а не проповедник. Он в обычной жизни человек скучный и нелюдимый, собирающий кактусы на подоконнике. Он знает, как построить самый высокий дом, но ждет ваших вопросов, чтобы адекватно об этом рассказать.

А вопросов нет, потому что вы в строительстве высотных домов ничего не понимаете и, кроме того, справедливо считаете, что говорить о толщине балок и тоннах бетона в утреннем шоу как-то не полагается.

Самое интересное, что вы и правы, и не правы одновременно.

Конечно, хорошо быть инопланетянкой Лилу из моего очередного любимого фильма «Пятый элемент» (The Fifth Element). Как вы помните, она за пять минут просмотрела электронную энциклопедию и усвоила все знания и достижения человечества. Но, как мы помним, у нее были другие гены.

У человека ситуация другая: по утверждению ученых, нас от обезьяны отличает только три процента

в генах. Поэтому по генам мы все же ближе к бананам и вычесыванию блох, чем к прекрасной девушке Лилу.

Так вот, самая главная ваша задача, перед тем как вырвать у кого-нибудь микрофон и начать в него что-то болтать, трезво спросить себя: а что ты, собственно, можешь сказать той огромной и во многом образованной аудитории, которая тебя сейчас будет слушать?

Ответ, чаще всего, будет простой – ничего.

Ты окончил обычную школу либо у тебя уже есть какая-то профессия, например ты зубной техник. Но ты решил стать журналистом и вести эфиры. То есть если говорить о компетентной части разговора, то во время беседы с мэром города, на восьмой минуте, ты обязан спросить: «Я вижу у вас на переднем зубе симпатичную пломбу. Очень хорошо, кстати, поставлена. А вот пятый зуб у вас совсем почернел и скоро развалится».

Я думаю, что ответом будут два звука: хлопанье дверью мэром и звук пинка, свидетельствующий, что вы вылетели с работы.

Тогда вы задаете мне закономерный вопрос. Вы говорите – я дантист, я все знаю про зубы. Но я не Лилу и не могу знать все в этой жизни на уровне специалиста. Кроме того, справедливо говорите вы, даже если бы я знал все обо всем, профессиональный разговор в эфире неинтересен, потому что нас слушают все, а не только дантисты, строители или зоотехники.

Более того, иронично скажете вы, если бы, в случае со строителем, я бы знал о строительстве все, должен ли я был периодически вставлять фразы типа: «Да, цемент марки 500 – это прекрасно! Особенно он хорошо смотрится в мешках по 50 килограмм». Или: «Да, вы уместно вспомнили балку АСТ 350/810, артикул 346578 ВД. Именно она обеспечивает лучшую устойчивость на 85-м этаже, при боковом ветре 20 метров в секунду».

Конечно, отвечу я, вы правы, вы не должны говорить в эфире эту ерунду.

Тогда вы спросите: так что же мне делать?

Ответ прост: вы должны быть хорошим дилетантом.

Да, именно так – дилетантом, но хорошим. Хорошим, но дилетантом.

Безусловно, что-то вы знаете очень хорошо. Но вы обязательно должны знать и все остальное, хотя и понемногу.

Если бы вы регулярно читали популярные журналы, смотрели «Дискавери» и перед эфиром внимательно просмотрели последние новости в разделе «высотные дома» в Гугле, то неожиданно выяснилось бы, что:

З Что часто высотные дома ниже, чем кажется, а выше их делают красивые шпили.

З Что на эти шпили вешают различные передающие устройства.

З Что, например, телебашня в Москве при высоте 540 метров имеет фундамент глубиной всего 4,6 метра, но устойчивость ей придают канаты, которые висят внутри нее, и эти канаты нагружены огромными грузами.

Вы бы прочитали об удивительном Taipei International Financial Center, построенном еще в 2004 году на Тайване. Вы бы узнали, что панели этого небоскреба могут выдерживать порывы ветра до 300 километров в час, что они могут сдвигаться на 18 сантиметров и возвращаться на место. Вы бы были потрясены новостью о том, что на верху этого здания установлен шар весом 600 тонн для того, чтобы обезопасить это чудо архитектуры от землетрясений.

Понятно, что подобная информация носит не специальный, а популярный характер и придала бы вашей беседе объем и глубокое содержание. Вы уже представляете, сколько интересных вопросов вы бы могли задать гостю, и уверяю вас, он бы отвечал с

горящими глазами, потому что у него есть свое отношение не только к высоким домам вообще, но и к шару, к панелям, к шпилям и к канатам с грузами в частности. Это интерес архитектора к подобным вопросам существует еще и потому, что он, к сожалению, не построил телебашню, но был бы счастлив о ней хотя бы поговорить.

А для слушателей это был бы понятный, содержательный разговор.

Итак, выгоните всех из вашей комнаты, подойдите к зеркалу и честно спросите свое отражение: что я знаю, и что нет?

Ответ будет типичным: я знаю что-то одно, определяемое моим прошлым образованием или хобби, а в остальном плаваю.

Что делать?

Сначала запомним то, что нельзя делать в эфире:

1. Не затрагивайте тем, которых вы не понимаете.
2. Не лезьте в передачи, к которым вы не готовы.
3. Если вас поставили в такую передачу, лучше честно признаться шефу, что для вас ее провести будет крайне трудно. Он поймет. Это три минуты позора перед руководством, но если этого не сделать, то будет двадцать пять минут позора в самой передаче.
4. Если отвертеться не удалось - нужно тщательно подготовиться.
5. И главное - нужно постоянно заниматься самообразованием.

Последний пункт особенно важен, ибо вы не знаете, кто придет к вам на эфир завтра. Поэтому вы должны быть готовы к кому угодно. Это вопрос вашего выживания в профессии.

Вы должны смотреть все фильмы, даже ужасные, и читать все новые популярные книги, даже скучные, не говоря уже о классиках.

Я начинал читать «Войну и мир» Толстого пять или шесть раз. Читал ночью в кровати, и каждый раз на третьей странице огромный том бил меня по лбу, ибо я погружался в сладкий сон. Но я все же его прочитал, что считаю личным подвигом.

Конечно, в наше время можно обойтись без чтения подобных фолиантов. Современные технологии сладко облегчают нам существование.

Однажды по крупному телеканалу показали американский фильм «Анна Каренина». И так случилось, что этот показ совпал с экзаменами в школах. Так вот, замеры показывали, что рейтинг показа этого фильма по роману Толстого был значительно выше юмористических шоу.

Понятно, что школьники решили дешево отделаться и, вместо чтения толстого тома, посмотрели несложный фильм. Теперь они знают, как остроумно пошутил режиссер Сергей Соловьев, который также снял свой фильм по этому роману, что упрощенно идея романа формулируется так: «Если ты изменяешь своему мужу, то попадешь под паровоз». Думаю, что Соловьев прав – моя дочь сформулировала мне идею этого романа именно такими словами. Что же касается мотоциклиста моей дочери, то, как я понимаю, единственная книга, которую он прочитал, – это была инструкция к его мотоциклу. И судя по тому, что его мотоцикл все время стреляет у нас под домом вонючими газами, он даже эту инструкцию прочитал не полностью.

Мне очень не нравится, когда фильмы и комиксы заменяют книгу, но вряд ли я смогу вас изменить. И как известно, победителей не судят. Хотите – читайте подлинники, хотите – смотрите мультики, сделанные из них. Главное, чтобы ваш кругозор был максимально широким и адекватным жизни, чтобы вы были в курсе последних научных, технических и гуманитарных открытий. Главное, чтобы при упоминании кого-то или

чего-то вашим гостем, он не натыкался на ваш недоуменный взгляд.

Вот два простых элементарных примера из моей практики, почему это необходимо.

Один из гостей, в запале дискуссии, сказал, что муниципальные траты на вывоз мусора так же плохо просматриваются, как кольца Венеры.

- Как кольца Сатурна, вы хотите сказать? - мягко поправил я его.

- Хорошо, пусть Сатурна, - раздраженно согласился гость. - Все равно мне их не видно, как и денег, о которых я говорю.

Гостю было все равно, у какой планеты кольца. Но что бы говорили обо мне, если бы я его не поправил.

Другая гостья, местная поп-дива, отвечала на типичный телефонный вопрос: «Какую литературу вы любите?» И хотя по обилию силикона на ней, мне было понятно, что последнее, что она читала - это максимум ценник на блузке, она решила блеснуть интеллектом, про наличие которого в своей голове была убеждена, и сказала, что вечерами любит почитать Буруками. Неожиданно ее повело, и она начала говорить про то, какой этот Буруками замечательный писатель, как она без этого Буруками жить не может. А особенно книги ее любимого Буруками духовно помогали ей, когда она записывала свой новый сингл «Поцелуй меня сюда, детка!». Без изучения Буруками она бы этот сингл не записала. Отличный шведский писатель.

- Вы, наверное, имеете в виду японского писателя Мураками? - спросил я ее.

- Именно его, - радостно ответила одноклеточная гостья и затараторила дальше.

Мне все равно, что подумают зрители об ее новом сингле, но мне важно, чтобы они не подумали, что и я почитаю «Буруками» по вечерам. А это значит, что я как минимум знал, как правильно произносится

фамилия писателя и из какой он страны. Таких примеров я бы мог привести множество. Это бывает почти ежедневно – гости часто стараются показаться в эфире лучше, чем они есть. Они начинают нести всякие глупости, запутываются в них, и помочь им – ваша прямая задача.

Особый случай – это нелюбимый гость. Чаще всего ваше начальство учитывает, что у вас есть пара-тройка персон, которых вы не хотите видеть не только в своем эфире, но и в жизни. Но бывают непредвиденные ситуации.

Однажды один отвратительный, но модный писатель должен был прийти в эфир к совсем другому ведущему, но ведущий заболел. И этот писатель был поставлен в мой эфир.

Я понимал, что он придет и будет рассказывать, какой он гений и какая прекрасная у него новая книга. А слушатели будут звонить и рассказывать, как они плакали над сценой, когда проклятый миллиардер бросил девушку из провинции. Думаю, что эта новая книга была еще хуже старых, но его имя было раскручено и книга расходилась большим тиражом.

Я не мог сказать – я его не люблю, уберите его. Нужно было вести эфир.

Конечно, я не читал ни одной его книги. Более того, держать его книгу в руках было бы для меня оскорблением – я думаю, что после этого у меня на руке появилась бы какая-нибудь сыпь.

Но завтра у меня был эфир, и я не мог себе позволить сидеть с отсутствующим видом.

Поэтому, накануне вечером, я подошел к жене и теще и произнес небольшую речь.

Я сказал, что знаю – несмотря на мои категорические запреты эта книга ими куплена и находится в моем доме. Я предложил им не отнекиваться, потому что вчера они горячим шепотом

обсуждали, в частности, судьбу бедной брошенной девушки.

Но, сказал я, они могут заслужить мое прощение, если дадут мне эту книгу почитать, не задавая лишних вопросов и никак это не комментируя.

Услышав мою речь, теща на пару минут впала в кому, а у жены на лице было написано удивление, которое я видел только один раз, когда предложил ей жениться.

Мне дали книгу, которую я прочитал по диагонали, но до конца. Я не знаю, сколько лет жизни у меня забрала эта чарующая проза, но назавтра я нормально провел эфир, лицемерно поддакивая в нужных местах и называя героев по именам.

Я так здорово ориентировался в похождениях этого миллиардера и бедной девушки, что по окончании программы пораженный гламурный автор подарил мне эту же книгу с дарственной надписью: «Моему фанату на долгие годы». Я хотел, в благодарность, стукнуть его этой книгой по голове, но сдержался.

Придя домой, я отдал книгу теще и жене, которые стали выдирать ее друг у друга, покрывая страницу с дарственной надписью фанатскими поцелуями.

Вывод из этой истории прост: не нравится, но все равно нужно прочитать, чтобы не попасть впросак.

Но вернемся к вашим возможностям, вернее к их отсутствию.

По своему опыту могу сказать, что лучшие ведущие – это те, кто имеет историческое, педагогическое или филологическое образование. Многие мои коллеги на «Эхе Москвы» блестяще знают историю. Я завидую их эфирам. В конце концов, все, что происходит вокруг нас, имеет свои исторические или гуманитарные аналогии. И мои коллеги легко ими пользуются.

Другое дело, когда они ведут эфиры на исторические темы. Иногда они забываются, и гость

долго молчит, слушая, как они сами рассказывают что-то про Карла XII. Но это издержки производства.

Итак, запомним суровую правду.

Даже если вы красивы, как Аполлон, зрители и слушатели не любят примитивных идиотов.

Вас, в конце концов, уберут из эфира, даже если вы любовница главного редактора.

Либо вам уготована судьба вечно читать чужие тексты.

Но это уже другая профессия.

ВЫ В КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЕ И ВАМ ДЫШАТ В СПИНУ

Если вы дорвались до микрофона, экрана или своего места в газете, то в ту же секунду встает вопрос вашей конкурентоспособности.

Теоретически этот вопрос решается просто: вы находите дьявола, подписываете с ним типовой договор, и все ваши конкуренты тихо растворяются в воздухе.

Однако если вы не желаете впоследствии кипеть в одном котле с вашими конкурентами, то вам придется учесть следующее.

Вокруг вас тысячи молодых людей, которые мечтают и могут занять ваше место. Многие из них получили лучшее образование и знают то, чего не знаете вы.

Еще никто не отменял клановость и родственные связи. Поэтому, если у известного журналиста к этому времени вырос отпрыск и отец не знает, куда его деть, то благодаря связям с вашим начальником он его деть может ровно на ваше место. При этом постыдное слово «семейственность» подменяется благородным словом «династия».

Таких опасностей десятки, я просто не хочу вам портить настроение.

Однако есть одна опасность, о которой я хотел сказать особо. Эта опасность тихо вползла в нашу жизнь, постепенно меняя ее. И, как кажется, меняет до неузнаваемости, неся прямую угрозу вашей профессии.

Эта чудовищная угроза называется Интернет.

После того как вы отсмеялись, а многие из вас подумали, что автор сошел с ума, постараюсь

объяснить, почему журналистика и Интернет находятся в красивом, но смертельном танце.

Да, на вашем столе стоит компьютер. Вы пользуетесь Интернетом для подготовки передач. Жизнь стала легкой и приятной.

Приходит гость – вот его биография!

Говорим о какой-то проблеме – вот что сказали о ней авторитеты!

Все в Интернете – подготовка к передаче стала занимать пять минут.

Но вот случай из моей практики.

Я вел обычный игровой эфир. Первые десять слушателей, правильно ответивших на мой вопрос, получали книги от спонсора. Вопросы были разные – простые и сложные.

Я начал с простых – тут же последовали ответы.

Пошли более сложные вопросы – однако и сложные вопросы щелкались как орехи.

Я прослезился – что-то небесное снизошло на аудиторию. Все стали умны и невероятно информированы. Удивительно, но эта благодать поразила всю аудиторию, без исключения. Молодые и старые, мужчины и женщины играючи цитировали мне Декарта, вспоминали даты всех крестовых походов, в том числе в обратном порядке. А вопрос о самом дорогом сорте китайского чая был дан в такой полноте, что возникло подозрение, что на него отвечал лично Конфуций.

Поскольку ответы я принимал по телефону, то задав самый сложный вопрос – как называлась какая-то крепость в 12-м веке – и получив немедленный правильный ответ от какого-то пятиклассника, я спросил – не марсианин ли он и откуда такое дитя может это знать.

– Из Интернета, – простодушно ответило дитя. – Я просто набрал в Гугле ваш вопрос.

Однако теперь вопрос задам я: а можно ли считать подобную игру честной?

За что я даю слушателям книгу – за знание или за скорость, с которой они находят в Гугле ответ на мой вопрос?

Эта проблема может показаться ерундовой вам, но не мне. Подобное означает, что Интернет поставил под вопрос существование целого медийного жанра – игры в прямом эфире. Можно, конечно, просто принимать ответы и давать призы, но тогда нельзя называть это игрой – это просто раздача призов за скорость пальцев и за подписку на хороший Интернет. И если ты хочешь, чтобы это была игра, то, по-честному, нужно приглашать людей в студию.

Интернет превратил аудиторию в гениев, которые слушают тебя и одновременно смотрят на экран компьютера. Ты ошибся в дате – тебя тут же поправляют. Ты перепутал фамилию – ее немедленно называют правильно.

Безусловно, своими ошибками ты способствуешь самообразованию аудитории, но логичен вопрос: а не много ли у тебя ошибок? Хватает ли тебе знаний и интеллекта, чтобы тебя не поправляли ежесекундно?

Давайте честно признаем, что появилась огромная аудитория, которая сама ничего не знает, но, благодаря Интернету, видит и демонстрирует тебе каждую твою оплошность. И хотя мы договорились, что знать все невозможно и журналист должен быть хорошим дилетантом, но быть дилетантом – это не значит быть глупым и необразованным.

И еще один момент, но он самый серьезный.

Почему, собственно, в этой ситуации именно вас должны слушать, читать и смотреть? Ведь новости, да и все остальное, что мы называем информацией, быстрее всего можно узнать из Интернета.

Однажды в одном провинциальном городе случился пожар в доме престарелых, погибли люди. Наша служба новостей узнала это от местных блоггеров, и мы дали это в эфир раньше государственных агентств. Там же было выложено видео пожара, снятое случайным прохожим на мобильный телефон.

Более того, уже не секрет, что сами агентства серьезно мониторят блоги по ключевым словам, получая информацию быстрее, чем от своих спецкоров, тем более что в каждом городке своего корреспондента не поставишь.

Блоги, это адское порождение сатаны и Интернета, разрушают традиционную журналистику.

В них можно прочитать комментарии к новостям. Высказать свое мнение можно в своем блоге, а прочитать чужое мнение в блоге друга или серьезного аналитика, который тоже ведет блог. Более того, как видим, уже и президенты не только заводят личный блог, но и активно пользуются «Твиттером».

Оказалось, что лучшие блоги в Интернете собирают аудиторию, которая сопоставима с аудиторией радио и телевидения.

Представляете, какое безобразие: вы учились, старались, терпели лишения, ели невкусные хот-доги. А какой-то парень сидит в маленьком городке, а на его блог заходят ежедневно сотни тысяч людей и почему-то читают его бред.

Один из самых популярных блоггеров – это парень, который каждый день у себя вешает несколько новых фотографий. Немыслимо, ведь у меня тоже есть фотоаппарат, но фотографии не смотрят, а его смотрят, причем более ста тысяч человек ежедневно.

Но это не все. Разве дело только в блогах?

Хотите – откройте свою интернет-радиостанцию на острове Борнео и, попивая коктейль, с местного пляжа рассказывайте о красоте заката или расписывайте

красоту набегающих волн. Все равно у вас будет своя лояльная аудитория, потому что вы на месте событий, а слушатель - нет. Моя самая любимая джазовая радиостанция называется QFM, и расположена она не в Манхэттене и не в Париже, а на маленьком острове Тенерифе рядом с испанским побережьем, и именно там вещает в FM отличную музыку для местных туристов. Таких джазовых радиостанций в мире далеко за тысячу, но я случайно узнал об этой - один друг побывал на этом Тенерифе и рассказал, что слушал эту станцию круглые сутки - там отличные редактора подбирают отличную музыку. Я, в свою очередь, логично предположил, что она может вещать в Интернете. Оказалось, что действительно вещает. И вот уже несколько лет я ее самый лояльный слушатель и, кстати, под ее музыку пишу эту книгу. Лояльная аудитория - это важное понятие для журналистики. Если говорить просто, то оно означает, что в вас кто-то влюбляется и, встав утром с постели, в первую очередь бежит к вам - слушать ваше радио, телеканал или листать вашу газету. Это же касается Интернета - когда ваша мама ругает вас, что, прибежав домой с учебы, вы забываете ее поцеловать, а сразу залезаете в «Facebook», то это и есть пример вашей лояльности, причем не родной маме, а десяткам своих друзей. Это яркий пример того, как ваши собственные родители оказываются в конкурентном поле с Интернетом и чаще всего ему проигрывают, чего вы, кстати, категорически не должны допустить, если вы их любите.

Когда моя дочь, вернувшись из школы, быстро приводит в порядок прическу и, не сказав никому ни слова, немедленно выскакивает на улицу, где ее уже поджидает мотоциклист, то это еще один пример лояльности, однако, надеюсь, временной, потому что у меня уже созрел план, как я ночью украду его проклятый мотоцикл и немедленно продам его тем

самым цыганам, которым всучил титановые сопки. А если у них не будет денег, то я еще и доплачу.

Возвращаясь к Интернету, замечу, что его возможности для реализации ваших неумеренных амбиций безграничны.

Хотите, чтобы мир любовался вашей физиономией с большим прыщом на носу? Нет проблем! Подключите к компьютеру хорошую камеру и делайте свое телевидение.

И всего этого уже полно в Интернете. Можно, конечно, сказать – а где огромная студия, где красивые костюмы, где массовка за деньги?

Однако можно возразить: а кто сказал, что все это сейчас так уж необходимо?

Уже сейчас за небольшую плату у вас в кабеле или на спутнике под триста телеканалов. Я знаю одного парня, канадца, который уже пять лет смотрит только канал про рыбалку. Он говорит мне, что мир вокруг отвратителен, а идеалом являются только рыбы. На мой вопрос почему, он резонно отвечает, что идеалом их делает главное качество – то, что они молчат, в отличие от политиков и жен. Сначала я предполагал, что этот парень сумасшедший, но оказалось, что в мире таких сумасшедших миллионы.

Более того, в его рассуждениях я обнаружил логику. Потому что, когда вечерами мои теща и жена, усевшись на диван, часами и без пауз обсуждают содержание последней части какого-то «мыла», просмотренного ими на специальном канале сериалов, то я задумываюсь – а не пора ли мне отправиться с моим канадцем на рыбалку, причем навсегда.

Кстати, моя теща прекрасно готовит, одновременно будучи фанатом специального кулинарного канала. Причем поначалу я думал, что она там чему-то учится, но оказалось, что эта удивительная женщина звонит им в прямой эфир и делает всем замечания.

Итак, подведем итог.

Когда-то в любой стране о смерти царя на окраинах империи узнавали через месяц, а то и два после его кончины. А сейчас личный врач лидера спешит выложить в своем блоге не только подробный отчет о последних минутах пациента, но и любительское видео, где запечатлены его предсмертные судороги.

В это чудовищное поле конкуренции включается еще один элемент несправедливости. Он называется случайность.

Представим себе ситуацию: шеф-редактор отправляет в город нескольких корреспондентов, чтобы они сделали репортажи о важном городском празднике. Он будет на нескольких точках, и на одну из них должен приехать губернатор.

Вас отправляют к главному городскому фонтану, где стоит помост, на котором сейчас выступают певцы, а часов в восемь там появится и сам губернатор, который обратится с приветствием к горожанам.

Вам это место далось нелегко: пришлось несколько раз, как бы случайно, встречаться с шеф-редактором в редакционном кафе во время обеда – напомнить ему, что ваши и его дети учатся в одной школе. А поскольку он не очень сообразителен, пришлось прямо попросить его дать вам эту точку у фонтана, чтобы сделать высокохудожественный репортаж, план которого вы ему рассказали, несмотря на его отчаянное сопротивление.

Итак, вы стоите у фонтана, но губернатора нет. Его нет и час и два. На третий час вам звонят из редакции и предлагают вернуться, потому что губернатор поехал совсем в другое место. Оказывается, именно сегодня он решил откликнуться на письмо возмущенных горожан, которые были недовольны затянувшимся строительством огромного торгового центра на окраине.

А откликнуться он решил потому, что стало известно, что торговый центр строит компания, связанная с братом его жены, между тем как принципы, по которым выбрали именно эту компанию, весьма туманны и пахнут незатейливой коррупцией. Губернатор понял, что стоять в этот момент у фонтана – это не просто преступление против своих избирателей, а нечто худшее – это преступление против собственных родственников.

Поэтому он спешно прибежал на стройку и, стоя посередине глубокой лужи, стал заверять гневных граждан, что строительство закончат за неделю.

И именно там оказался новичок из редакции, который, увидев губернатора, мелко задрожал и забыл включить камеру. Новичка отправили на всякий случай. Это был хронический лузер, которому ничего нельзя было доверить.

Губернатор оглянулся – ему нужно было во что бы то ни стало сказать нужные слова для телевидения. Он накинулся на дрожащего корреспондента, потребовал включить камеру, вырвал у него из рук микрофон и объяснил, что розовый рассвет и всеобщее счастье настанут в следующий понедельник.

Этот лузер был единственным репортером, который оказался в этом месте.

Наутро счастливый шеф-редактор на летучке назвал этого несчастного лучшим журналистом недели.

Скажите, это справедливо?!

В чем он журналист?

В том, что позволил губернатору вырвать микрофон из своих одеревеневших пальцев и не обделался от страха?

И почему он лучший журналист?

Потому что безропотно пошел в самое проигрышное место и не сбежал оттуда от скуки?

Где критерий?

А вот вам еще один пример.

В Америке есть престижнейшая журналистская премия «The Overseas Press Club Awards». Лучшие журналисты со всего мира награждаются за лучшие репортажи. Так вот, в 2008 году награду «The Robert Sara Gold Medal» получил фотограф Джон Мур (John Moore).

27 декабря 2007 года в Равалпинди он снимал репортаж о предвыборной компании Беназир Бхутто. Как известно, она погибла от рук террористов.

Перед нами четыре фотографии.

На первой - еще живая Беназир Бхутто в белом платке.

На второй - смазанное фото взрыва.

На третьей - плачущий мужчина, в отчаянии держащийся за грудь.

На четвертой - двое убитых, лежащих на грязной земле среди обрывков плакатов Бхутто. Убитые небрежно накрыты разорванными флагами Пакистана.

А вот как комментирует CNN сам Джон Мур свой главный снимок: «...И в тот момент, когда я поднял камеру, раздался взрыв. Потом был хаос...»

Обратите внимание, Мур не знал, что сейчас будет взрыв. Он просто хотел сделать дежурный снимок. Но получил за него главную награду.

Но справедливо ли это?

А может быть, дать эту награду Господину Случаю?

А может, террористу, который именно в этот миг привел в действие бомбу?

Однако, думаю, что награда Муру абсолютно справедлива.

Вам ведь не приходит в голову вместо рыбака награждать огромную рыбу за то, что она попалась на крючок?

Дело не в том, что Мур случайно поднял камеру, а в том, что он осмысленно оказался на этом месте. Он и

его редакция понимали социальную значимость предвыборной кампании Бхутто. И что самое важное, Мур не собирался делать сенсационные снимки. Он просто был на работе.

Но профессионал всегда включает камеру вовремя, хотя случай активно вмешивается в вашу профессию и героем можете стать совсем не вы.

Однако еще более чудовищными вам могут показаться истории, когда действия, свойственные журналистам, совершают люди вообще далекие от этой профессии. И становятся известными на весь мир.

Когда в Ираке казнили Саддама Хусейна, то один из охранников, присутствовавший на казни, отснял последние секунды жизни тирана на мобильный телефон, а потом это видео появилось в Интернете.

Вопрос: является ли негодяем этот охранник?

Да, потому что снимать подобное – это нарушение всех этических норм.

Знал ли охранник слово «этика»? Не думаю.

Можно ли что-то сделать, чтобы подобное не повторилось?

Нет, потому что, как мы уже говорили, человеческое любопытство перевешивает любые нравственные догмы. Это – прискорбная правда.

Но вдумайтесь в другое: какой-то охранник, умеющий только стрелять и материться, просто поднял телефон и снял видео, которое в Интернете посмотрели миллионы людей, а еще на порядок больше увидели это же на телевизионных каналах.

Причем все каналы, показывая это ужасное видео, не забывали лицемерно заявлять, что вообще-то это показывать нехорошо. А тот, кто это снял, вообще-то порядочный подлец. И все это как-то негуманно...

Но абсолютно понятно, что если бы он предложил это видео какому-то каналу эксклюзивно, то его бы

немедленно купили за любые деньги, одновременно громко причитая, что это безобразие.

Теперь зададимся вопросом, а разве этот охранник – журналист?

Конечно нет. Все его взаимоотношения с журналистикой заключались в том, что пару раз он лично бил журналистов по приказу начальника.

Но у него оказался телефон в нужном месте в нужное время. И хотя ему пользоваться телефоном было менее привычно, чем пистолетом, он сумел один раз нажать на одну кнопку и тем вошел в историю.

Если бы он сразу перебрался в Америку, то, уверяю вас, он уже давно побывал бы на всех ток-шоу и написал две книги. Одну политологическую для элиты – «Кровавый Хусейн и атомная бомба», а вторую для денег, под названием «Сто пятьдесят жен Саддама – секреты секса» с подробным описанием, рисунками и даже видео, которое тайно снимали на всякий случай.

Для чего я говорю об этом так подробно? Это я делаю для того, чтобы было понятно – если рассматривать журналистику не как хобби, а как профессию, за которую вам должны заплатить деньги, то выясняется, что из-за современных технологий вашим конкурентом может быть каждый.

И он получит кучу денег, так и не осознав, что в эти пять минут славы был журналистом. Он просто получит свои пару миллионов и пойдет дальше заниматься разведением кур-бройлеров, чем, собственно, и занимался до этого.

В этой ситуации я еще раз задаю циничный вопрос: а почему аудитория должна слушать, смотреть и читать именно вас?

Один мой друг, журналист, сказал мне про мои радиоэферы: «Расслабься! Пока люди ездят в машинах, они будут тебя слушать. Им просто некуда деваться». То есть он имел в виду, что люди консервативны и не

спешат менять привычное, например FM-радио в машине.

Безусловно, он прав в том, что консерватизм населения – это существенный фактор не только в работе, но и в личной жизни, даже моей. Например, консерватизм моей жены и дочери, особенно технический, не поддается описанию – такое ощущение, что до сих пор сидят на пальме и угощают друг друга бананами. Жена и дочь злятся, когда я цитирую классика, что больше всего на свете люблю смотреть на огонь, на волны, на то, как работают другие. Они злятся, потому что потом я добавляю: «И как вы паркуете свои машины».

Когда жена и дочь в одной машине и они пытаются запарковать ее между двумя, рядом стоящими, то собирается толпа, состоящая из хозяев двух соседних машин, нескольких десятков зевак, нескольких лающих от напряжения собак и двух-трех полицейских, следящих, чтобы в городе не начались массовые беспорядки.

Весь процесс поражает бесконечностью и воем мотора, а фразы типа «по-моему, он говорил, что эту штуку нужно повернуть не влево, а вправо...» потом цитирует вся улица.

Когда я это напоминаю моим дамам, то они свирепеют и напоминают мне, как я решил сварить в микроволновке два яйца и они взорвались.

Тогда я, в свою очередь, напоминаю жене, как она, спросонья, кричала теще в телефон: «Мама, я тебя не слышу, говори громче!» При этом я, в другой комнате, слышал каждое тещино слово. Пораженный загадкой, как такое возможно, я зашел в спальню и увидел, что жена держит телефонную трубку вверх ногами. То есть она слушает микрофон, куда нужно говорить, а теща, надрываясь, кричит с другого конца телефонной трубки, которая пребывает возле губ жены.

Я перевернул трубку, и жена слилась в экстазе с тещей.

Потом она, правда, обвинила меня, что я ей купил неправильный телефон, который одинаков сверху и снизу – поэтому она ошиблась.

Но особый случай, это совместная поездка жены, дочери и тещи на автомобиле. У них играет радио, и когда они пытаются найти другую станцию, то нажимают все кнопки. Но только не те, которые на самом радио.

Вспыхивает свет, брызгает вода, открывается и закрывается крыша. После того как три часа они слушают случайно пойманные китайские народные мелодии, приехав домой, они обвиняют меня, что я купил неправильный приемник.

Другое дело – я!

Уже сегодня я слушаю передачи своих коллег и все, что мне интересно, только в подкастах. Даже в машине.

То есть я люблю своих коллег, ценю их, но слушаю только то, что сегодня интересно и важно. Это мне позволяют современные технологии. А это ставит главный вопрос: сохранится ли вообще в ближайшем будущем журналистика в своем традиционном виде?

Коснусь святого – брифингов Президента США или президентов других стран.

Я гарантирую вам, что в странах, где нет диктатуры, где лидеры не боятся острых и прямых вопросов, через десять лет брифингов, в их традиционном виде, не будет.

Новый президент спросит: а почему я должен отвечать на вопросы только тех людей, которые сидят в этом зале? Они корреспонденты при Белом доме? Хорошо, но разве я не президент всего американского народа? Мне не нужны посредники, скажет президент. Любой американец может мне задать вопрос по Интернету, я сам выберу вопросы.

И он будет прав, потому что ему выгодно выглядеть наиболее демократичным и открытым. А народ радостно его поддержит, потому что всегда существует надежда, что президент выберет именно твой вопрос.

Кем же нужно быть, чтобы в такой ситуации привлечь внимание именно к себе?

Где гарантия, что если даже собралась группа очень талантливых журналистов, то их издание будут читать?

Гарантии нет, потому что с таким же успехом их можно читать поодиночке в Интернете.

Иначе говоря, если это издание существует на гранты, то нет проблем. Но если это бизнес, то будет ли он успешен?

Я много спору с друзьями и коллегами на эту тему. Кто-то согласен со мной, кто-то считает, что «на наш век хватит». Эта дискуссия будет продолжаться, но не забудем, что в заложниках у этих грозных глобальных процессов находится ваша трепетная журналистская душа, о которой, собственно, и идет речь в этой книге.

Описав все эти ужасы глобализации и технологий, я просто хотел еще и еще раз напомнить вам простую истину, которая в современной журналистской профессии первична: вы находитесь в особо острой конкурентной среде. Вас будут слушать, читать и смотреть, только если вы привлечете к себе внимание.

Как вы этого добьетесь – ваша проблема.

Постарайтесь только не идти по пути Герострата и Нерона. И дело даже не в том, что устраивать пожар нехорошо. Просто все, что могло сгореть, – уже сожгли до вас, а остальное хранится в электронном виде.

НЕБОЛЬШОЙ СЮРПРИЗ: ВАМ ИЗВЕСТНО, ЧТО ВЫ ГЕНИЙ?

После того как стало понятно, что объять необъятное невозможно и вы поняли, что к темам, в которых вы плаваете, нужно готовиться не менее тщательно, чем к визиту к налоговому инспектору, мне необходимо вывести вас из состояния депрессии, в которую вас вогнали предыдущие пара глав.

Сделать это просто.

Вспомните историю о моем друге, который ходил по ресторанам. Согласитесь, его карьера сложилась неплохо. Думаю, сейчас он сидит в каком-то кафе и, прикрываясь званием ресторанный критика, объедается бесплатной сочной отбивной.

Вспомните также моих коллег – историков по образованию. Они с удовольствием, кроме общих эфиров, ведут специальные исторические программы.

Интересен опыт моей коллеги Марины Королевой. Она уже много лет работает в службе новостей, но параллельно ведет программу о русском языке. И это одна из лучших программ радиостанции. Более того, она написала по материалам своей программы несколько книг. Ее наградили разными премиями, а от министерства она получает гранты.

Еще один пример – мой коллега Александр Пикуленко. Когда-то он случайно зашел на радиостанцию помочь другу, который делал какую-то автомобильную рубрику. Теперь он сам делает многочисленные автомобильные программы в нашем эфире, ходит в ярких куртках от всяких гоночных компаний и каждый месяц мотается по заграницам за их счет, что вызывает у меня черную зависть.

Есть еще один яркий пример – Александр Плющев. Если ранее он просто работал в службе новостей, то сейчас, продолжая эту же работу, он ведет программы про Интернет. Он известный блоггер и слывет в этом виртуальном мире большим авторитетом.

Или возьмем моего коллегу Сергея Бунтмана. Он ведет любые программы в любом жанре, и в них я свободно могу его заменить. Но есть одна программа, где я признаю свое поражение, – это эфир, в котором он рассказывает о саундтреках к фильмам.

Играет музыка, а Сергей, параллельно, пересказывает действие, которое происходит на экране. Это производит сильное впечатление. Это ведь радио и ты не видишь изображение, а только слышишь музыку и рассказ. Из-за отсутствия визуального ряда ты неожиданно начинаешь слышать, собственно, музыку, которая при просмотре фильма в кинотеатре обычно пребывает где-то на заднем плане. Но тут выясняется, что без музыки просто нет фильма.

Когда я послушал программу, посвященную моей любимой серии фильмов «Индиана Джонс» Спилберга, то я понял нечто новое: фильма, без этой музыки Джона Вильямса, просто не было бы. А вот музыка без фильма вполне самостоятельна, и звучит как хорошая приключенческая сюита, под которую можно было бы снять еще пару хороших фильмов. Например, моя дочь считает, что эта центральная музыкальная тема из «Индианы Джонс» прекрасно подходит к сцене, когда она и ее мотоциклист пытались оторваться от преследовавшей их полицейской машины. И я до сих пор пытаюсь у дочери выяснить – это было на самом деле или ей этот образ просто музыка навеяла...

Однако вновь вернемся к эфиру Сергея Бунтмана. Его пример важен, потому что он типичен.

Обратим внимание, что эту передачу сделать непросто. Нужно любить кино. Нужно смотреть все

фильмы. Нужно понимать музыку. Нужно знать саундтреки, искать их в магазинах и покупать. Нужно уметь под звук саундтрека рассказать сцену фильма так, чтобы ему не мешать. Нужно в деталях помнить фильм, потому что саундтрек написан с учетом действия каждой сцены и действия персонажа.

Образно говоря, нужно знать и уметь много того, что умеет Сергей и чего не знаю и не умею я. С этой программой он вне конкуренции. Для того чтобы другой человек делал эту программу, он должен иметь полный набор качеств и интересов, как Сергей, а такого не бывает, потому что каждый индивидуален.

Так вот, я уверяю вас, что если вы предложите креативную идею программы, которая основана на ваших знаниях и интересах, то вас обязательно ожидает успех.

У автора этой книги есть свое хобби – каким-то непонятным образом я разбираюсь в бытовой электронике лучше других. Меня не пугают новые модели телевизоров и ресиверов. Я знаю до тонкостей все их отличия и преимущества. Я спокойно могу объяснить, какой фотоаппарат или плеер купить по лучшей цене и какая соковыжималка проста настолько, чтобы ее могла включить и выключить моя теща.

Более того, я знаю, где это все купить. При этом я никогда не работал в магазине.

Это просто мое хобби, но я долго вел в эфире специальную программу, посвященную этой теме, потому что люди обожают слушать практически полезные советы.

Особенно, как что-то хорошее купить подешевле.

А я обожаю такие советы давать.

Это значительно приятней, чем брать интервью у мрачных политиков или восходящих поп-звезд, которые закатываются, так и не успев взойти.

Я рассказал эти поучительные истории для того, чтобы спросить: а помните ли вы, что ваша персона обязательно в чем-то гениальна?

Не забыли ли вы, что обязательно знаете что-то лучше других?

Ясно ли вам, что журналистика состоит не только из новостей и интервью?

Короче говоря – добро пожаловать в журналистику с черного хода!

Итак, вы что-то знаете в совершенстве, или вам это кажется. И вы горите желанием об этом рассказать. Тогда начните проникновение в журналистику именно с этого. Любой редактор возьмет вашу статью о чем-то интересном – такие статьи всегда в дефиците.

Но вы можете спросить: а что делать, если вы тот самый строитель, который строит высотные дома? Ведь мы уже говорили, что говорить о бетоне и балках неинтересно.

Да, о расфасовке неинтересно, но вспомните, почему все любят и уважают каналы Discovery или National Geographic Channel.

Я думаю, это не только потому, что это познавательные каналы, но и за то, и это главное, что они умеют рассказать о сложном – просто и популярно. Это удивительное умение, и людей, которые умеют так рассказывать, называют популяризаторами. Это божий дар, и к подобным людям я испытываю благоговейный трепет.

Однажды у меня в эфире сидел известный астрофизик, получивший какую-то немислимую премию за свою работу, название которой я не мог выговорить пять раз, так замысловато она называлась. Я понимал, что это провальный эфир, потому что говорить о сути его работы не было смысла – ее понимали только те двадцать человек, самых известных мировых ученых, которые его и наградили. Однако его премия – это и

была главная новость дня, не делать программу с ним было бы неправильно.

Он вошел в студию, сел напротив, снял очки в толстой оправе и стал ждать моих вопросов.

И вдруг, видимо от отчаяния, я понял, что говорить нужно о совсем простом.

- Скажите, - спросил я его, - мой сын задает мне вопрос, на который я не могу ответить. Он меня этим вопросом замучил. В школе ему объясняют, что Вселенная бесконечна. Но он не понимает, что такое может быть. Он говорит, что все, в конце концов, заканчивается. Помогите мне. Я же отец, я обязан быть умным.

Он вздрогнул и поднял на меня глаза, и в его взгляде отразилась вся гамма сложных чувств. Если коротко, то расшифровать этот взгляд можно было так: «Я серьезный ученый, мне не нужны ваши эфиры, я собирался сегодня смотреть на Альфу Центавра, поэтому к вам я пришел без всякого желания. Я продолжаю размышлять об открытых мною частицах и их значении для Вселенной. И о чем же меня спрашивает этот кретин?»

- Так что мне ему ответить? - игнорируя неласковый взгляд, спросил я. - Когда я встречу с ним, он опять прицепится ко мне с этой темой.

- Странный вопрос, - произнес гость. - А что тут непонятного?

- Ему непонятно, - жестко произнес я. - Он маленький и глупый пока.

Гость продолжал смотреть на меня брезгливым взглядом, но понимал, что ему придется ответить на этот вопрос. При этом было понятно, что сам-то гость чувствует, как именно Вселенная бесконечна, он прямо видит, что она тянется и вправо, и влево. И нет ей ни конца ни края. Но я возвращал его в пещерное

донаградное состояние, требуя объяснить это простыми словами.

- Ну, попробуйте ответить ему так, - сказал он, пожевав губами. - Представим себе, что вы идете и перед вами стена. Вы понимаете, о чем я говорю?

- Да, - твердо сказал я, - что такое стена - я понимаю.

- Так вот, скажите ему, что если он сделает дырку в этой стене, то за ней будет, например, дорога. Вы понимаете?

- Конечно, - успокоил его я. - Вот стена, вот дырка, вот дорога.

- Правильно, - вдруг обрадовался гость. Он, по-видимому, не ожидал, что я понимаю, что такое дырка и дорога. И то, что я понимаю, делало меня ближе к нему и его астрофизике.

- Так вот, постарайтесь представить ему бесконечность Вселенной, как череду преград и того, что за ними. То есть за каждой преградой что-то обязательно есть.

- Вы гений, - просиял я. - Я спасен! Наверное, вашу премию вам вручили не зря.

- Это сомнительная похвала, - заметил ученый. - Кроме того, мое объяснение бесконечности примитивно и не отражает ее физической сути.

- Для этого юнца это вполне достаточно, - я приложил руку к сердцу.

- Кстати, - вдруг оживился гость, - вы затронули важную проблему. Вот я сижу у вас в эфире, но вдруг понял, что объяснить суть моей работы очень сложно. А это плохо, потому что мир астрофизики чрезвычайно увлекателен. Я уверен, что нас слушают много молодых людей, которые пошли бы в науку, но не решаются, потому что мы не можем сложное объяснять просто. Кстати, почему мы никогда не говорим об этом?

- Давайте об этом поговорим прямо сейчас, - облегченно предложил я.

Дальше все пошло как по маслу. Мы вспомнили популярные журналы и книги, а потом гость даже решился на то, чтобы популярно, как ему казалось, объяснить суть своего открытия. Но поскольку слова «стена, дырка и дорога» в этом объяснении отсутствовали, то суть я так и не понял - просто осталось приятное ощущение, что есть какие-то частицы и они летают туда-сюда, впрочем, нам особо не мешая.

И еще осталось гордое ощущение моей сопричастности к большой науке.

Наверное, эта астрофизика и не так уж сложна. Просто у меня из-за детей, жены и тещи нет времени в ней разобраться.

Я привел этот пример еще и потому, что любой разговор в эфире должен иметь человеческое измерение. Согласитесь, было бы глубокой ошибкой пытаться объяснить за двадцать пять минут суть сложнейшего открытия.

Любой эфир, в конце концов, про людей.

И если задача эфира не четко информационная - например, визит какого-нибудь министра, который пробубнит про очередное повышение пенсий и зарплат, то не забудьте: любой человек, совершивший яркое, признанное и позитивно оцененное обществом действие, чаще всего яркое и как личность.

Поэтому начинайте разговор с человеческого, а профессиональное раскроется само.

Возвращаясь к сути этой главы о вашей обязательной гениальности, я уверен, что каждый из вас безусловно что-то знает о планетах, бабочках или разновидности французских вин. Это ваша бывшая профессия либо хобби. И если в вас есть талант рассказчика - а это неременное свойство

журналистской профессии, – то путь открыт. Более того, смею утверждать, что он более легкий, чем обычный. Вы уходите от конкуренции, вы подаете себя штучной персоной. Не важно, как вы выглядите – важно, что вы знаете и что умеете азартно обо всем этом рассказать. Потом, уже освоившись, вы сможете писать или говорить совсем о другом.

Автор этой книги, как известно, пришел в журналистику с легкой светской программой «Бомонд», а теперь занимается в основном политической журналистикой. Мой пример типичен – в тот момент я просто знал артистов лучше, чем другие; я знал их телефоны и был с ними знаком, в силу прошлой жизни. У меня на тот момент не было конкурентов.

Осознайте и используйте свои сильные стороны. Возможно, вас интересуют в журналистике политические события на Ближнем Востоке, но на данный момент вы лучше всего разбираетесь в кошках. Начните с передачи про кошек, предложите ее всем, кто-нибудь обязательно возьмет.

Ближний Восток никуда не денется, ибо конфликт там так же вечен, как и существование кошек.

СКОЛЬКО В ВАС ТЩЕСЛАВИЯ? ВСКРЫТИЕ ПОКАЖЕТ

У моей жены есть брат, популярный кинорежиссер. Он снимает фильмы, музыкальные клипы и телевизионную рекламу. Иногда ему для съемок нужен ребенок, и тогда он приглашал мою дочь.

Не могу сказать, что у нее большой список ролей. В одном фильме она пробежала по лестнице, в другом стояла на углу улицы с куклой. Еще был клип, где показали ее очаровательное лицо и улыбку. Правда, в этот период у нее вывалилась пара молочных зубов, но мне она и так понравилась.

И вот, когда ей было лет восемь, брат жены вновь приходит и начинает новые переговоры с дочкой. В этот раз, говорит он, роль у нее будет крайне ответственная. Она должна купить мороженое, заплатить деньги, взять это мороженое, открыть, пару раз его лизнуть и выйти из кадра. При этом, по обыкновению, она категорически не должна все время поглядывать в камеру и неожиданно громко смеяться непонятно от чего.

Вроде бы договорились и сели пить чай. Внезапно все заметили, что дочь сидит злая и насупленная. Мы стали спрашивать, что случилось. Вдруг она вскочила и, заламывая руки, как Сара Бернар, громко воскликнула: «Боже мой, ну сколько мне будут совать вторые роли! Я давно созрела к главной роли, но этого никто не видит!!!»

Мы все же ее уговорили, задоблив вкусным яблочным пирогом, но последствия все равно были катастрофическими. Брат потратил на ее дубли столько пленки, сколько на весь фильм.

Она роняла мороженое, смотрела в камеру, кому-то даже махнула рукой, а в конце громко смеялась, еще не выйдя из кадра.

Сейчас дочь уже выросла, но каждый раз, когда мой кинородственник приходит, она заглядывает ему в глаза, чтобы он ее взял сниматься. Но тот мрачнеет и отвечает, что есть заказ от географического канала сделать фильм об Амазонке и там есть главная роль крокодила. Нас же он упрекает в том, что у девочки неумное тщеславие и что в этом виноваты мы.

Мы же с женой считаем, что у нас – лучших родителей в мире и идеальных воспитателей – ошибок быть не может. А во всех недостатках дочери виноваты улица и мотоциклист.

Однако описанный случай позволяет поговорить о некоторых отрицательных человеческих качествах, которые могут помешать вашей журналистской карьере.

То, что будет описано в этой главе, – знают все. Но поступают ровно наоборот.

Начнем вот с чего.

Почему те или иные шоу живут долго? Они живут долго по двум причинам.

Разберем первую.

Когда однажды американские сценаристы объявили забастовку и все телевизионные шоу остановились, одна моя русская коллега была страшно удивлена. Она сказала, что не очень понимает, зачем в этих шоу вообще нужны сценаристы. Есть гость, есть канва разговора.

Пришел, скажем, в шоу Опры Том Круз. Разве непонятно о чем говорить? О его ролях, о творческих планах.

Однако я думаю, что те, кто видел это шоу по телевизору или в Интернете, помнят, что Том Круз во время разговора вдруг вскочил на диван с ногами,

прыгал на нем, хватал Опру за руки и вообще вел себя как туземец с той самой Амазонки, где моя дочь, по замыслу кинородственника, должна была играть крокодила. Мне трудно представить, сказал я моей коллеге, что этот момент, как и многие тексты и эпизоды, не были разработаны сценаристами, заботящимися о том, чтобы в шоу, которое идет много лет, каждый день было что-то оригинальное.

И это правда. Не зря говорят, что лучшая импровизация это та, которая тщательно написана и много раз отрепетирована.

Итак, если вы хотите, чтобы ваше шоу много лет было успешным, то нужно неустанно и ежедневно привносить в него оригинальность, создав целый штат авторов, рождающих повороты сюжетов и остроумные тексты.

Но это пример американский.

А вот примеры российских телевизионных долгожителей, демонстрирующих вторую причину.

Программа «В мире животных» – ведущий на пару минут появляется на экране, после чего идет кино про дельфинов.

«КВН» – ведущий на секунду открывает программу, после чего студенты из разных городов юмористическими скетчами веселят публику.

«Что? Где? Когда?» – ведущего вообще нет на экране – лишь слышен его голос за кадром, а суть программы в том, что знатоки отвечают на вопросы, которые присылают зрители.

Что общего во всех этих шоу? Мы видим, что разными методами, но содержание шоу гарантированно оригинально.

Однако поговорим о другом. Почему ведущие этих программ уже столько десятков лет продолжают их вести?

Конечно, одна из причин – они часто являются авторами идей этих программ. Но поверьте, даже это не помогло бы им по сорок лет быть на экране. Как мы знаем, браки распадаются за год, а любовь зрителей еще более изменчива и непостоянна.

Перед вами две совершенно разные причины долголетия.

Американская причина – есть один ведущий, но он ежедневно новый: огромный профессиональный коллектив помогает ему наполнять программу свежим содержанием.

В российских примерах также имеются профессиональные команды, но они заняты подбором новых фильмов, игроков и вопросов.

Что касается ведущих, то, если говорить прямо и честно, конечно признавая их талант, – они минимальное время находятся на экране.

Они не успевают надоесть.

Диктатор Сталин прекрасно знал психологию толпы – он крайне редко появлялся на публике. Он отдавал себе отчет – внешне он далеко не идеал красоты. Понимая это, он выиграл дважды. Народ видел генералиссимуса только на его лакированных, им же утвержденных портретах, а остальное домысливал в голове, слушая его редкие радиовыступления. Те же, кто лично видел его рябое лицо, в конце концов, гнили в тюрьмах или были расстреляны. На портретах Сталин не старел, его лик был неизменен, как портреты Дориана Грея.

Противоположный пример – Леонид Брежнев.

Сейчас многие ищут причины распада СССР. Одни называют экономику, другие политику.

Я уверенно назову еще одну причину – телевидение. Те, кто видел, как Брежнев, старый и дряхлый, запинаясь, читал свои речи, путаясь в страницах и перечитывая абзацы по несколько раз, помнят свое

ощущение: если у страны такой лидер, то эта страна скоро умрет. Так и случилось.

Я никогда не забуду, как однажды, в конце 70-х, когда Брежнев был еще жив и произнес какую-то свою очередную речь, я был на государственном радио. Так вот, я зашел в аппаратную монтажа, где монтировали пленки. Напомню, что в те времена не было как компьютерного монтажа, так и самих компьютеров. Были магнитофоны с обычной пленкой, а монтажные склейки делали липким скотчем. В аппаратной работала одна моя знакомая девушка – она сидела и плакала. Я спросил, что случилось. Она объяснила, что монтирует речь Брежнева, которую завтра должны передать по радио. Но она не успевает, потому что у него слишком много оговорок, а слова непонятны из-за его плохой речи. Но если она не сделает монтаж в срок, то ее уволят.

Вот так старость генсека и сумасбродство режима выливались слезами простого монтажера на радио.

На телевидении были те же проблемы. Вначале вырезали весь брак его речи, а потом стыки перекрывали кадрами публики. Но картинку живой мумии скрыть было невозможно.

Брежнев был одновременно и героем и жертвой этого страшного, уничтожающего эффекта телеправды. Его, как лидера страны, обязаны были показывать – все понимали, что это позорно, но трусливо боялись сказать ему честно, что это его уничтожает. А может, делали это специально.

Но в конце концов, в эпоху диктаторов на экране торчит тот, кто нравится диктатору.

А в эпоху рейтингов – тот, кого любит публика.

Однако публика все время хочет новое – в том числе и новые лица. А это решительно входит в противоречие с тем, что вы, наконец, получили свою передачу и

считаете, что пора оторваться по полной. Иначе говоря, торчать на экране от начала до победного конца.

Помните, это страшная ошибка молодых журналистов и ведущих программ. Вы готовы круглосуточно дарить себя аудитории, но забыли ее спросить – нужен ли ей этот подарок.

За эту забывчивость вас ждет неминуемая расплата.

Публика в первый день скажет, что ведущий неплох, второй день будет посвящен изучению вашей бородавки на щеке, на третий день пойдет ропот, «какого черта нам показывают этого болвана», а на четвертый день вас сменят.

Это будет неизбежно, но справедливо. Потому что аудитория занимается вашей внешностью, если ей больше нечего делать.

Это парадоксальный, но правдивый закон эфира: чем больше вы немотивированно торчите на экране, тем быстрее приближаете свой конец.

Конечно, в этой фразе главное слово «мотивированно». Если вы закрыты хорошим чужим текстом или написали свой, если программа имеет четкий план, если у вас топовые гости, если вы подготовились к эфиру, то смотрят не на бородавку, а на то, что вы делаете. Вас как будто не замечают. Если спросить потом, каково впечатление от эфира, то аудитория ответит: «Неплохо, был хороший гость, интересно рассказывал, очень полезная передача». А если спросить про ведущего, то аудитория пожмет плечами: «Кто-то вел – не помним кто. А что, это важно?»

Не торопитесь стреляться – это была высшая похвала!

Вы не мешали гостю, вы помогли ему раскрыть тему. Одновременно с этим вы не были назойливы, выглядели неглупо, вас в эфире было ровно столько, сколько нужно. Если бы вы нарушили хотя бы один из

этих пунктов, вас бы запомнили, но так: «Этот идиот опять все время лез со своими вопросами!..»

В России все помнят журналиста-международника Александра Бовина. Это был маленький, грузный, оплывший человечек в бесформенном пиджаке. Он был вечно нездоров и всегда говорил с отдышкой. Когда он вел телевизионные эфиры, то смотрел не в камеру, а в стол и бубнил под нос ответы. Но те, кто его видел и слышал, а тем более вел с ним эфиры, как я, помнят: не имело значения, как он выглядел или говорил. Он вообще мог сидеть в эфире голым – этого никто бы не заметил. От него исходила почти физическая мощь его личности – сейчас это называют харизмой. В его случае это был сплав талантливого рассказчика, опытного журналиста и, главное, здравомыслящего, незакомплексованного человека, прожившего большую жизнь и знающего цену и себе и другим.

Итак – вывод: если при вашем появлении многотысячная толпа благоговейно не затихает, если брошенные вами фразы не называют афоризмами, если ваши фотографии не висят на лобовых стеклах у водителей-дальнобойщиков – это значит, что харизма еще не созрела.

Не губите себя, не торчите в эфире без дела. Поучитесь, поднаберитесь опыта, понаблюдайте за старшими коллегами.

И однажды миг торжества настанет. Харизма созреет, благодарные народы придут к вам и сами попросят быть в эфире побольше. И вы любезно согласитесь.

ВЫ ХОТИТЕ БЫТЬ ПОПУЛЯРНЫМ, КАК ДЖОРДЖ КЛУНИ? СОГЛАСЕН. НО ЕСТЬ ВОПРОС: А ВЫ ДЖОРДЖ КЛУНИ?

Я люблю кино, особенно боевики, даже средние. Фильмы такого рода очень помогли мне в жизни. У меня была пара моментов, когда мне было очень плохо, и чтобы отвлечься от неприятностей, мне помогало именно кино со стрельбой.

Мне нравится, что в этих фильмах всегда побеждает хороший парень.

Трудно поверить, но мне нравятся диалоги такого плана:

КОВБОЙ ДЖОН. Слушай, а зачем мы его пристрелили?

КОВБОЙ СЭМ. Не заморачивайся, сынок, снимай с него сапоги, и поехали.

Моя жена говорит, что я люблю подобные фильмы, потому что мой интеллектуальный уровень совпадает с уровнем сапог из этого фильма и мне не надо напрягаться.

Когда жена говорит мне подобные фразы, я предлагаю ей найти свой мужской идеал и стать его женой. Но такой идеал у жены уже есть, и зовут его Джордж Клуни.

Жена считает его идеалом по нескольким причинам.

Он красавец.

У него прекрасная вилла в Италии на озере Комо. Жена там была и видела эту виллу, хотя издалека.

Он великолепный актер и прекрасный режиссер.
У него элегантная прическа, с идеальным пробором.
Ужасно то, что я ничего не могу жене возразить,
кроме последнего пункта.

Я ей напоминаю, что и у меня когда-то была пышная шевелюра. Но половину этой шевелюры я потерял в боях с тещей. А вторую половину вырвали дети – они так развлекались.

Когда мы с женой ссоримся, то она заявляет, что уйдет к Джорджу Клуни, поскольку тот никак не может определиться со своей подругой жизни. А мне будет уготована жалкая доля садовника Хосе-Игнасио на его вилле. Как в мексиканских сериалах, я буду подстригать кусты садовыми ножницами и жадно наблюдать, как они с Джорджем пьют коктейль.

На мой резонный вопрос – а зачем я нужен ей как садовник, ведь у меня нет такой атлетичной фигуры и магического взгляда, как у Хосе-Игнасио, жена поясняет, что как ни крути, но я отец наших детей и вообще неплохой муж. Звезды капризны, поэтому она не собирается выпускать меня далеко из поля зрения. Она договорится с Клуни, чтобы он купил мне яхту и маленький домик. Вечерами я буду в одиночестве кататься на яхте и плакать, что от меня ушла такая замечательная жена, а домик нужен, чтобы со мной были дети, когда они с Джорджем будут ездить в Лос-Анджелес, чтобы получить очередной «Оскар».

Самое интересное, что я не возражаю, потому что Клуни нужен не только моей супруге, но и нам с вами, чтобы поговорить о журналистике и об одной естественной черте человеческого характера, которая может вас погубить.

О неумемном тщеславию.

При чем тут Клуни?

Дело в том, что он не только актер и мечта моей жены, но еще и великолепный режиссер, снявший

несколько фильмов, среди которых я хочу выделить один: «Спокойной ночи и удачи» (Good Night, and Good Luck).

Действие картины происходит в США 50-х годов, в эпоху развития телевидения – фильм рассказывает реальную историю противостояния репортера Эдварда Марроу и сенатора Джозефа Маккарти, обвинившего в рамках так называемой «охоты на ведьм» смелого журналиста в симпатии к коммунистическому режиму.

У меня вызывает чувство уважения даже то, что Клуни решил сделать фильм на эту тему.

Этот фильм должен быть введен во все учебные программы, потому что, во-первых, показывает, что такое настоящая журналистика, какого она требует мужества и профессионализма, как человеческое тут сплетено с профессиональным. Во-вторых, демонстрирует типичную правду взаимоотношений между властями, руководством телеканала и человеком, который решается смело высказать свое мнение. А в-третьих – честно говорит, что журналист может выиграть, но иногда ценой своей карьеры.

Вы обязательно должны посмотреть этот фильм. Это учебник вашей профессиональной жизни.

Я бы дал этому фильму все «Оскары».

Но у этой ленты нет наград, и я понимаю, как Клуни обидно, даже если он это не показывает.

Всегда обидно, когда ты что-то делаешь от души – а этот фильм сделан именно так, но это не находит должного, по твоему мнению, признания публики и специалистов.

Да, Клуни не получил «Оскар» за этот фильм, но согласитесь – он не впал в черную меланхолию, не ушел в буддистский монастырь и не писал писем протеста.

Зато что он стал делать?

Он широко улыбнулся и стал работать дальше, снявшись в очередных «Оушенах» и прочих фильмах,

которые публике понравились значительно больше, чем история про времена Маккарти.

Теперь от Клуни перейдем к вам.

Сразу после первой публикации, эфира или еще чего-нибудь в этом роде у вас появятся поклонники. Вначале это будет ваша мама, которая приготовит вам что-то особенно вкусное. Потом ваша девушка, которая наконец скажет «да», потом соседи и несколько школьных друзей. Кто-то узнает вас на улице и попросит сфотографироваться вместе. Пусть в ограниченном кругу, но вы станете популярным.

И именно в этот момент судьба всех журналистов расходится.

Они начинают делиться на тех, кто не съедает сладкую наживку популярности, и тех, кто съедает, а потом ею давится.

Привыкнуть к горячей воде легко, а отвыкнуть невозможно.

Легко бросить курить – моя жена легко бросала раз двадцать.

Но потерять популярность – самое болезненное. Человек обожает куда-то войти и услышать, как все восхищенно шепчут: «Это он!» Войдя туда же и не услышав этот шепот вновь, человек воспринимает это как трагедию.

Об этом сняты десятки фильмов и написаны сотни книг, но все повторяется.

Я видел, как люди, потеряв популярность, мрачнели и ругались с детьми. Они становились стойкими ипохондриками и впадали в депрессию.

Не забуду, как одного популярного шоумена, в годы моей студенческой юности, вычеркнули из списка награждаемых правительственной наградой. Его коллег наградили, а его нет. Он пришел домой, лег на диван и умер. Замечу, что звание никак не могло отразиться на его заработках – зрители его любили и так. Вы скажете:

ну что ж, его конечно жалко, но разве это имеет отношение к журналистике?

Имеет, и самое прямое.

Посмотрите любой гламурный журнал или подобную программу на телевидении. Вы обязательно услышите или прочтаете словосочетание «модный журналист». Когда я слышу эти два слова, то сразу мрачнею.

Что значит «модный журналист»? Что он, законодатель какой-то моды? Да нет, просто парень торчит на всех модных тусовках. Он ходит на них как на работу, а тех, кто восхищенно шепчет о нем, он снимает на камеру мобильного, обещая опубликовать. Это феномен нашего удивительного времени - быть звездой, не делая ничего, а только блистая, в основном за папины деньги. Например, как Пэрис Хилтон. Я еще представляю, что может быть «модный писатель», как Дэн Браун, но он хоть пишет толстые книги.

Более того, в шоу-бизнесе есть понятие «начинающая звезда», что вообще не вкладывается в голову, потому что звезда может быть, к примеру, «молодой», но не «начинающей».

Впрочем, не буду анализировать эту ерунду - скучно.

Лучше расскажу вам пару поучительных историй.

Более двадцати лет назад меня пригласили на какое-то публичное мероприятие. Я пил кофе, и вдруг ко мне подошел какой-то молодой человек, поздоровался, а потом меня сфотографировал.

- Ну вот, - сказала моя приятельница, - теперь и ты у него в коллекции.

- А кто это? - спросил я.

- Никто, - немного подумав, ответила приятельница. - Какой-то модный журналист. Он проникает на любое мероприятие, всех фотографирует, а потом снимки где-то публикует.

Я пожал плечами и мог бы забыть об этом человеке, да не получилось.

Потому что даже сейчас, спустя двадцать лет, я встречаю его на всех мероприятиях, на которых бываю. На нем, по-моему, тот же серый костюм, хотя сам он постарел и обрюзг.

Я понимаю этого несчастного. Он никто, но когда он ходит на эти тусовки, то отблеск ламп, бесплатных бутербродов и местной богемы падает и на него. Он счастлив, как может быть счастливо отражение в зеркале.

Другая история.

Ко мне на эфир пришел великий модельер Пако Рабан.

Он даже не сел в кресло, а причалил к нему, как океанский корабль причаливает к пристани. Каждое его движение излучало величие.

Эфир был посвящен новым духам, которые он выпустил.

Я уже говорил, что всегда спрашиваю о том, что мне интересно, – так я и сделал.

– Скажите, – сказал я, – меня всегда интересовало, как придумываются духи. Я представляю это так: вы выходите на берег моря, вдыхаете его аромат, потом ощущаете запах полевых цветов, потом еще чего-нибудь. А уж потом говорите, как это все смешать в духах. Я прав?

– Частично, – он царственно улыбнулся. – Правильно то, что я отдаю указание. Но я ничего не вдыхаю. Я просто сразу придумываю аромат вот здесь.

И он постучал пальцем по идеально стриженной голове.

Для меня, не умеющего не то что придумать духи, но даже нарисовать на бумаге простую вазу, Пако Рабан – проявление божественного.

Я привел эти два примера, чтобы напомнить, что у вас есть два пути: жить в отблесках и отзвуках или самому светить и звучать.

Пако Рабан не боится потерять популярность, потому что он сам ее производит. Как и духи.

Почему это имеет отношение к журналистике? Потому что, если вас назвали «модный журналист», вы должны насторожиться.

Вы не должны перепутать два слова: мода и стиль. Стильный журналист – это человек, обладающий своим почерком, языком и манерой.

Модный – это вторичный, без своего лица.

Популярность журналиста сродни популярности некоторых политиков – сами они могут быть пустышками, но их поднимает толпа. Политика поднимают неразборчивые избиратели, а журналиста – популярные издания, куда удалось пролезть. Конечно, приятно протянуть визитку, где над твоим именем стоит лейбл популярного гламурного журнала. Но если в нем ты пишешь всякую обезличенную ерунду, то помни – тебя легко заменить, потому что написать о том, как втирать кремы, может любой.

Бросьте эту визитку, бегите из этого издания. Ваш первый день работы в нем – это начало конца. Вы тут не эксклюзивны. Если вы молодой человек, то вас выгонят за то, что вы любите не тот сорт пива, что ваш начальник. Если вы симпатичная девушка – вас заменят, как только вы откажетесь после работы обсудить некоторые профессиональные вопросы наедине с шефом в его рабочем кабинете. Или потому, что из-за ваших морщин обсуждать с вами эти вопросы стало уже неинтересно. И немедленно на вашем месте появится более молодая и, соответственно, более «талантливая» журналистка, особенно талантливая размером груди.

Если вы «модный», то вам придется либо уйти с сегодняшней модой, либо мучительно привыкать к

другим обстоятельствам, словам и людям, которые будут модны завтра. Но завтра вы будете уже старым для тех, кто стал моден. И вы будете бегать среди молодых все в том же сером костюме, под их насмешливыми взглядами, потому что так и не нашли что сказать от себя, а только умеете повторять чужие слова, в надежде снова услышать фразу: «Это он!»

Вы уверены, что переживете момент, когда о вас забудут?

Однажды у русской рок-певицы Земфиры брали интервью. Ее спросили, как она относится к своей популярности.

- Отношусь спокойно, - ответила она, - ведь что такое популярность? Это просто ответ на вопрос, насколько твои мысли совпадают с мыслями других.

Запомните эту фразу, возможно, она уберезет вас от депрессии.

Когда вам покажется, что вы теряете популярность и это бьет по вашему самолюбию - а это бывает у всех, - не спешите ложиться под вкусы толпы. Она все равно предаст вас, а вы потеряете профессию.

Не меняйтесь.

Помните, что если у вас есть что сказать, то обязательно найдутся люди, мысли которых совпадают с вашими. Они будут фанатами ваших идей, а идеи всегда вне моды.

Есть люди, которые не любят Пако Рабана или Клуни, но этим гигантам все равно.

Потому что один из них придумывает духи, которые кто-то обязательно купит, а другой снял фильм, фанатом которого стал как минимум я.

У больших людей есть своя большая тема в жизни.

Хотите популярности Джорджа Клуни?

Станьте им.

Но не забудьте, что в нагрузку вы получите мою жену, двух капризных детей и меня с яхтой и

маленьким домиком. И я буду ходить в шортах по
вашему саду, злобно подстригая кусты.

Вы видели меня в шортах?

Незабываемое зрелище!..

ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ, ЧТО ТЫ ЛУЧШИЙ? ОТЛИЧНО, ОСТАЛОСЬ ЭТО ДОКАЗАТЬ ДРУГИМ

Певицу Мадонну всегда ставят в пример как образец работоспособности. Я помню один из первых ее концертов в Италии. Она прыгала по сцене, не попадала в ноты, но уже тогда поражала своей неумемной энергией.

Недавно я смотрел концертную запись ее всемирного тура – передо мной холодная стильная женщина на фоне экранов и звероподобных прыгающих красавцев мужчин. Каждая песня имеет визуальное решение, бесконечно меняются костюмы, обалдевшая публика смотрит, как Мадонна, оседлав вертящуюся стилизованную лошадиную спину, под кадры падающих лошадей делает двусмысленные гимнастические упражнения, исполняя свою песню Like a Virgin.

В этом весь парадокс. Настоящий талант всегда делает что хочет, причем под аплодисменты собравшихся.

Мадонна уже давно из певицы превратилась в понятие.

Совершенно не имеет значения, что она поет или кого играет в кино.

Есть просто Мадонна, которая усыновляет детей и в очередной раз переезжает из Америки в Лондон или наоборот.

Я, например, несколько раз переезжал с места на место, но этим интересовались только мои кредиторы. А переездом Мадонны интересуются все. Трудно сказать,

каким образом обычный человек превращается в символ чего-либо, но ясно одно – это происходит не просто так.

Но есть общий закон: хочешь взойти на вершину – пакуй рюкзак и начинай восхождение.

Я часто слышал, как мои друзья критиковали Мадонну, но никто не подвергал сомнению ее работоспособность и настойчивость.

В этой главе я просто приведу вам два примера, чтобы доказать – если к своим амбициям вы приложите эти качества, то результат обеспечен.

Я пошел на концерт, в котором пел Элл Джарро, а играли Джордж Дьюк и Стенли Кларк.

После концерта его продюсер, мой друг Александр Иванов, пригласил меня в ресторан, чтобы выпить в узком кругу с гостями.

Я очень люблю выпивать с Александром после концертов. Мы выпиваем и говорим музыкантам бесчисленные комплименты, а когда порядком пьянеем, то уверяем друг друга, что и мы могли бы спеть и сыграть не хуже, если бы не судьба и наши жены.

В концерте также пела Лариса Долина. Она, кстати, вернулась из Лос-Анджелеса, где с Джорджем Дюком писала новый альбом, к которому он написал все песни и лирику.

На вечеринке мы сидели рядом. Мы с Долиной давно знакомы, так что разговорились о разном.

К этому времени принесли еду, и американцы принялись радостно поглощать аргентинскую говядину.

– А почему тебе не принесли? – спросил я Ларису.

– Я не ем после шести вечера, – грустно сказала Лариса, – приходится есть глазами.

Мы тут же разговорились на животрепещущую тему диеты.

Я сказал, что не могу выдержать и ем как после шести, так и после двенадцати. Мне стыдно, но ничего не получается – мясо сильнее.

- Лариса тоже любит мясо, - вмешался в разговор муж и продюсер Долиной Илья. - Но у нее есть воля, и она умеет считать.

Далее он рассказал то, чего я не знал, но что приходится учитывать звездам. Оказывается, у Ларисы, как и подобает певице такого уровня, есть множество костюмов - среди них более сорока непосредственно для сцены. Костюмы эти стоят немалые деньги - есть экземпляры от модельеров по десять тысяч долларов за костюм, но есть и значительно дороже.

Конец ознакомительного фрагмента. [Полный текст доступен на www.litres.ru](http://www.litres.ru)